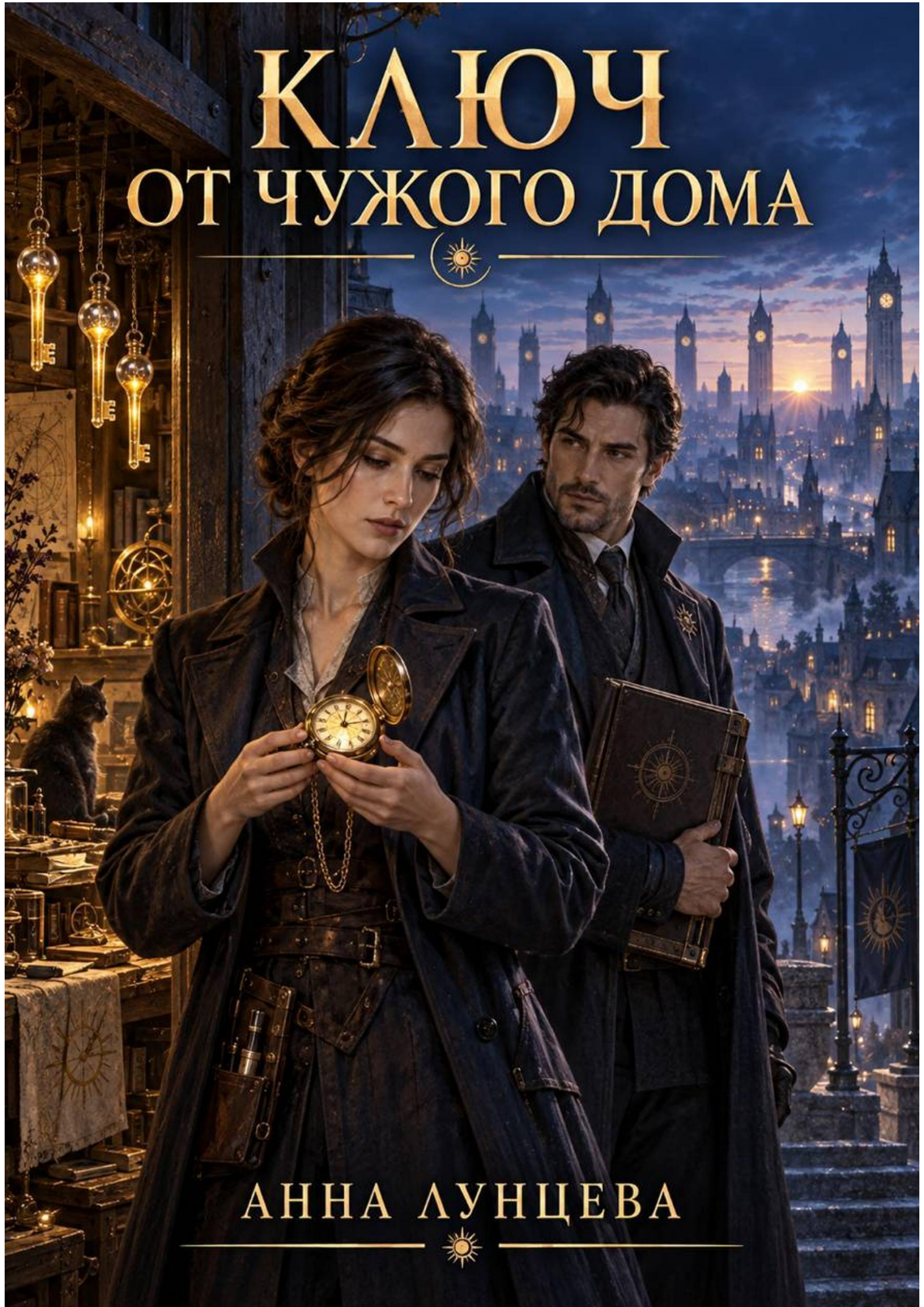

КЛЮЧ ОТ ЧУЖОГО ДОМА

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Ключ от чужого дома

«Автор»

2026

Лунцева А.

Ключ от чужого дома / А. Лунцева — «Автор», 2026

Врач Тая Ренн умеет чинить разрывы между телом и прожитым временем — и платит за подтверждённую поправку собственным возрастом. Но после одной операции её хронометр списывает целый год вместо месяца, а в реестре возникает след украденного рассвета. Вместе с аудитором времени Мареком Велем Тая выходит на мастерскую «Чужой дом», где состоятельным покупателям продают свободу от страха. Каждый такой ключ лишает другого человека способности начать важное дело. Среди пострадавших — сестра Таи, а в подложных счетах стоит врачебная печать самой Таи. Чтобы вернуть городу утра, ей придётся отказаться от привычной роли спасительницы, защитить выбор пациентов и доказать: ни любовь, ни закон, ни общее благо не дают права распоряжаться чужим будущим.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Лишний год	6
Глава 2. Проверка без имён	11
Глава 3. Сестра у закрытой двери	16
Глава 4. Стекланный ключ	23
Глава 5. Цена врача	28
Глава 6. Аудитор у порога	35
Глава 7. Дом без окон	38
Межчасть I. Квитанция на смелость	45
Глава 8. Утро напрокат	46
Глава 9. Пациент не улика	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Лунцева

Ключ от чужого дома

От автора

У каждого важного решения есть утро, когда оно впервые становится возможным. Не обязательно лёгким и не обязательно верным — просто нашим. Эта история началась с вопроса: что останется от смелости, если её можно купить, а цену незаметно заплатит другой человек?

В Лавене время умеют лечить, измерять и заносить в реестр. Но точный счёт ещё не означает справедливости, особенно если общество привыкло восхищаться теми, кто молча отдаёт себя за исправность системы. Врачу Тае Ренн предстоит защищать пациентов сразу от двух опасностей: от чужой власти над их решениями и от собственного убеждения, будто хороший специалист обязан расплачиваться в одиночку.

Это роман о праве начать, остановиться, передумать и попросить других разделить ответственность. А ещё — о доверии, которое не выдаётся авансом и не отменяет границ. Пусть путь через эту книгу приведёт вас к рассвету, который никому не пришлось красть.

Глава 1. Лишний год

К полудню часы пациента отставали от его тела на одиннадцать месяцев и четыре дня.

Тая увидела разрыв ещё до того, как Сева вывела цифры на матовое стекло. У лежавшего на столе мужчины были руки сорокалетнего — широкие, с въевшейся в ногти синей краской, — а дыхание старика. Каждый вдох добирался до груди с таким опозданием, словно сперва спрашивал разрешения у уже прожитой зимы.

— Имя? — спросила Тая.

— Орин Дал, — ответил он. — Маляр. Я уже говорил девушке внизу.

— Мне вы говорите не для журнала. Мне нужно услышать, где вы находитесь сейчас.

Орин недоверчиво посмотрел на неё. В Палату хронологических травм редко приходили люди, готовые поверить первому вопросу врача. Обычно они приносили с собой кипу справок, страх и чьё-нибудь уверенное объяснение, почему их несчастье непременно чужая ошибка.

— В палате шестого часа, — сказал он наконец. — В Лавене. Сегодня двадцать второе число месяца Высокого света. Мне сорок два.

На последнем слове его голос сорвался. Кожа у висков сделалась прозрачнее, и под ней проступила мелкая сеть серебристых жилок.

— А телу сейчас почти сорок три, — тихо сказала Сева у счётного стекла.

Тая не обернулась. Цифры были нужны, но лицо пациента — важнее.

— Вы красили башню?

— Нижнюю галерею Седьмой. Леса качнуло, когда ударил утренний колокол. Я не падал. Только будто... остался там. А потом спустился, пришёл домой, лёг. Жена сказала, я за ночь постарел.

Седьмая рассветная башня. Тая запомнила, не позволяя подозрению изменить руки. Сначала лечение. Причины подождут столько, сколько сможет ждать Орин.

Она положила ладонь на его личный хронометр. Небольшой латунный диск висел под ключицей на шнуре, потемневшем от пота и краски. Стрелка дрожала между двумя отметками: прожитым временем и временем тела. В норме они шли вместе и казались одной. Теперь между ними зиял почти полный круг.

— Я верну совпадение, — сказала Тая. — Возможно, не за один проход. Вы будете помнить всё, что произошло. Я ничего у вас не заберу. Но когда попрошу назвать сегодняшний день, отвечайте, даже если вопрос покажется глупым.

— А цена?

Он всё-таки знал.

— Для вас — три дня слабости и повторная сверка через неделю. Для Палаты — часть возвращённого срока.

— Для Палаты или для вас?

Сева перестала перебирать счётные пластинки.

Тая могла произнести привычную формулу: цена распределяется по врачебному резерву. Формула была правдивой ровно настолько, насколько правдивым бывает закрытый шкаф. Резерв существовал, но в нём уже три месяца не хватало времени. В сложных случаях остаток принимал ведущий врач.

— Я подтверждаю только ту поправку, которая необходима, — ответила она. — Вы не обязаны утешать меня за мою работу.

Орин отвёл глаза. Ответ ему не понравился, но он кивнул.

Тая застегнула на запястьях тонкие медные петли. Такие же Сева закрепила на руках пациента, оставив между кожей и металлом место для пальца. Из стены вышел тихий звук —

не тиканье, а шелест множества страниц, переворачиваемых одновременно. Палата шестого часа замкнула контур.

— Начинаем с утра на башне, — сказала Тая. — Вы поднялись на леса. Что сделали первым?

— Открыл банку с синей краской.

Стрелка Орина дёрнулась назад.

— Потом?

— Проверил трос. Крикнул вниз, чтобы подали кисти.

— Кто услышал?

— Пела. Напарница.

Имя свидетеля вернуло минуту на место. Тая почувствовала это как холод под ногтями. Она вела Орина по событиям осторожно, не заставляя переживать страх заново: банка, трос, кисти, луч над крышей, первый удар колокола. На втором ударе его дыхание остановилось.

Не сердце. Время дыхания.

Тая просунула пальцы под медную петлю и нашла разрыв. Он был гладким по краям, почти хирургическим, — не похожим на последствия испуга или удара. Кто-то вырезал из утра Орина крошечное начало и оставил тело догонять само себя.

— Сева, отметка, — сказала она.

— Вижу. Разрыв подтверждён. Одиннадцать месяцев, четыре дня, два часа.

Слишком много за одну потерянную минуту.

Тая замкнула петли на своём хронометре. Серебряная стрелка под стеклом остановилась напротив её нынешнего возраста: тридцать четыре года, семь месяцев, девять дней. Рядом ждала пустая дуга поправки.

— Орин, посмотрите на меня. Какой сегодня день?

Он ответил. Тая потянула первую нить.

Мир сузился до расстояния между двумя ударами сердца. На одном конце находился мужчина, чьё тело прожило год без него. На другом — она, врач с правом сказать, какой кусок времени был ошибкой. Право это Тая всегда ощущала как тяжёлый ключ: им можно было открыть дверь, но нельзя было забывать, что дверь чужая.

Она не возвращала Орину молодость. Молодость нельзя было выписать по рецепту. Она соединяла последствия с их настоящей причиной: зимнюю одышку — с морозом, боль в колене — с падением на лестнице, сдину — с месяцами ухода за больной матерью. Всё прожитое становилось его. Всё, что тело накопило в пустом промежутке, должно было уйти.

Первая нить легла правильно.

Вторая обожгла ладонь.

На третьей за стеной ударил рассветный колокол.

Это было невозможно. Полдень миновал, башни молчали до следующего утра. Но звук прошёл через медь — один короткий удар, слишком близкий, будто колокол висел в самой палате.

Орин выгнулся на столе.

— Сегодня двадцать второе! — резко напомнила Тая.

— Двадцать второе, — выдохнул он. — Высокий свет. Лавен.

Сева опустила аварийный якорь. Медные петли потемнели, однако чужая сила уже вошла в контур. На счётном стекле поверх врачебной печати появилась золотая риска в форме восходящего солнца.

— Это не наша отметка, — сказала Сева.

— Сними её.

— Не снимается.

Тая попыталась разомкнуть контур, но хронометр Орина принял золотую риску за подтверждение лечения. Пустая дуга его времени начала заполняться слишком быстро. Одиннадцать месяцев хлынули к телу сразу.

Если отпустить петли, Орин получит весь разрыв обратно — сердце состарится раньше дыхания. Если удержать, цена уйдёт туда, куда назначила чужая печать.

Тая поняла куда, прежде чем взглянула на собственный хронометр.

— Не отключай, — приказала она.

— Тая, ставка неверная.

— Я вижу.

— Резерв отвечает месяцем. Здесь открывается год.

— Я вижу, Сева.

Страх пришёл спокойно. Не криком, а ясным знанием: через несколько секунд её тело станет старше на год. Не запись в удостоверении, не ощущение усталости — мышцы, зрение, кости, каждая клетка. Она успела подумать, что утром нашла первый седой волос и выдернула его перед зеркалом. Глупая, мелкая тайна вдруг показалась прощанием.

Орин застонал.

Тая удержала нить.

Сначала заболели зубы, все разом, будто холодный воздух прошёл сквозь эмаль. Потом изменился фокус зрения. Лицо Орина отодвинулось, хотя стол остался на месте. Под халатом вспыхнули старые шрамы, напоминая телу, сколько времени оно получило. Последним пришёл вес — не тяжесть в руках, а дополнительное знание плоти о прожитом годе.

Стрелки пациента совпали.

Тая разомкнула медные петли.

Орин вдохнул глубоко и без задержки. Цвет вернулся к его губам. Он поднял ладонь и долго рассматривал синие пятна краски, словно ожидал увидеть чужую кожу.

— Я здесь, — сказал он.

Только тогда Тая позволила себе опереться о край стола.

Сева оказалась рядом, подхватила её за локоть, но не стала спрашивать, всё ли хорошо. За это Тая была ей благодарна. На вопросы, заданные из вежливости, всегда приходилось лгать.

— Орин, — сказала Сева, — назовите день, место и возраст.

Он ответил без ошибки.

— Поправка завершена, — объявила Тая. Голос прозвучал ниже обычного. — Наблюдение до вечера. Никому не выдавать хронометр без моей подписи.

Она подошла к умывальнику. Над ним висело узкое зеркало, предназначенное не для тщеславия, а для проверки симметрии лица после временного удара. Женщина в отражении осталась собой. Те же серые глаза, короткие тёмные волосы, упрямая складка между бровями. Но у правого виска легла светлая прядь, а под глазами проступила тень, которой утром не было.

Тая подняла личный хронометр.

Тридцать пять лет, семь месяцев, девять дней.

— Год, — сказала Сева за её плечом. — Полный.

— Запиши как несоразмерную поправку.

— Уже. И ещё кое-что.

На счётном стекле Сева развернула итоговую запись. В обычном случае там стояли три подтверждения: номер пациента, врачебная печать и отметка ближайшей рассветной башни с временем начала операции. Первые два были верны. Третье поле Тая знала наизусть: Палату обслуживала Четвёртая башня.

На стекле значилось: Седьмая.

Та самая, которую красил Орин.

Под номером башни появилась ещё одна строка, хотя бланк её не предусматривал.

ПОЛУЧАТЕЛЬ РАССВЕТА: ПОДТВЕРЖДЁН.

— Получатель чего? — спросил Орин.

Тая погасила стекло прежде, чем он успел прочитать остальное.

— Техническая ошибка. Она не меняет результата лечения.

Сева посмотрела на неё с укором: не за ложь, а за слишком быстро выбранные слова. Пациент имел право знать о чужой отметке. Но сначала нужно было понять, не причинит ли знание новый вред.

Из коридора донёсся металлический щелчок. Затем второй. Кто-то закрывал внешние задвижки палаты.

— Я никого не вызывала, — сказала Сева.

Тая сняла медные петли и подошла к двери. За матовым стеклом двигались люди в тёмно-синих мундирах. Не городская стража: на рукавах блестели узкие серебряные шкалы Службы аудита времени.

Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка внутреннего допуска. Мужчина по ту сторону показал жетон, не пытаясь просунуть его в щель.

— Марек Вель, старший аудитор. Зафиксировано несогласованное списание свыше шести месяцев. Палата шестого часа временно опечатана.

Он был старше Таи на несколько лет, высокий, с усталым лицом человека, который давно перестал путать вежливость с мягкостью. В руках он держал не оружие, а серый реестр. Это почему-то тревожило сильнее.

— Здесь пациент после операции, — сказала Тая. — Вы не войдёте, пока я не переведу его в наблюдение.

— Я не войду без вашего допуска. Но и записи отсюда не выйдут.

— История болезни защищена.

— Поэтому я опечатываю помещение, а не изымаю её.

Тая ожидала нажима и на мгновение потеряла подготовленный ответ.

Марек перевёл взгляд на её посветлевший висок, затем на хронометр. Никакого сочувствия на лице не появилось — только короткая, точная оценка ущерба.

— Какова подтверждённая цена операции? — спросил он.

— Один месяц.

— Списано двенадцать. С какой башни пришла третья печать?

Тая не ответила.

Марек словно и не ждал ответа. Он раскрыл серый реестр и развернул его к ней. На странице лежала копия той же золотой отметки, только строка под ней была длиннее.

ПОЛУЧАТЕЛЬ РАССВЕТА: ПОДТВЕРЖДЁН. ПОСТАВЩИК: СЛУЧАЙ 6-184.

Номер Орина.

— За последний месяц это четвертая операция с чужой башней, — сказал Марек. — И третья с вашей печатью.

Тая почувствовала, как Сева замерла позади. Орин, к счастью, не видел страницу.

— Почему аудит не сообщил после первой?

— Потому что первые две отметки были внесены задним числом. Эта появилась при свидетелях. Теперь у меня есть основание остановить списания.

— Остановите реестр. Не Палату. У нас вечерняя операция.

— Больше нет.

Тая приблизилась к двери. Цепочка натянулась между ними, тонкая и прочная.

— Если ваш приказ оставит пациента с разрывом, цену запишут на вас?

Вопрос был несправедливым, и оба это поняли.

Марек не отвёл глаз.

— Нет. Поэтому через час прибудет независимая бригада. А до тех пор никто не использует вашу печать — включая вас.

Он закрыл реестр. На обложке остался знак Службы: две стрелки, проверяющие ход друг друга.

— Доктор Ренн, — сказал Марек уже тише, — кто-то только что продал год вашей жизни под видом чужого рассвета. Если вы продолжите работать тем же способом, следующая цена может оказаться больше.

— А если я прекращу, цену заплатят пациенты.

— Это и рассчитывал тот, кто поставил печать.

В коридоре аудитор наложил на задвижку серебряную полосу. Она вспыхнула и погасла, оставив на двери время проверки.

Тая вернулась к Орину. Он сидел на краю стола, ровно дышал и сжимал свой хронометр обеими ладонями.

— Я что-то у вас отнял? — спросил он.

— Нет.

Это была правда. И всё же в ней не хватало главного.

Тая посмотрела на золотую отметку, застывшую на погашенном стекле. Поставщик — случай. Не человек, не имя, не согласие. Удобная строка, в которой можно было спрятать чью угодно жизнь.

За окнами Лавен стоял в ясном полудне. Семь башен молчали над крышами. Но Тая всё ещё слышала невозможный колокол и впервые думала не о том, как вернуть потерянное время.

Она думала о том, кто научился продавать утро.

Глава 2. Проверка без имён

Серебряная полоса на двери отсчитывала не время, а запреты.

До первого деления Тае разрешалось наблюдать Орина. До второго — передать его независимой бригаде. После третьего любая попытка открыть операционный журнал считалась вмешательством в проверку.

Марек Вель ждал в коридоре, прислонив серый реестр к подоконнику. Он не торопил её и этим раздражал сильнее, чем если бы стучал в дверь каждую минуту.

Орин ушёл на своих ногах. Перед переводом он трижды назвал день, город и возраст, а потом попросил Таю не сообщать жене о том, сколько стоило лечение.

— Она решит, что виновата, — объяснил он.

— Решение не ваше, — ответила Тая. — Цена касается меня, но событие произошло с вами. Расскажите ей то, что готовы рассказать. Не стройте защиту из чужого незнания.

Он помрачнел, однако кивнул. Когда дверь закрылась за носилками независимой бригады, Тая поняла, что совет предназначался и ей.

Сева уже ждала у счётного стекла.

— У нас девять минут, — сказала она.

— До чего?

— До твоей попытки сделать вид, что год ничего не меняет.

— Он не меняет диагноз Орина.

— Зато меняет твой.

Сева была на пять лет младше и на целую жизнь беспощаднее к небрежным выводам. Она носила волосы в тугом узле, а на манжетах записывала цифры, если под рукой не оказывалось бумаги. Сейчас левый манжет покрывали четыре номера случаев.

Тая увидела среди них номер Орина.

— Это те операции?

— Которые назвал аудитор. Я успела снять только заголовки до опечатывания. Без имён, диагнозов и твоих заметок.

— И что совпадает?

— Пока лишь то, что все четыре пациента поступили после рассвета. Ошибкой это станет, когда мы докажем, что остальные поступают до обеда не реже.

Сева сняла со стены рабочий халат Таи и протянула ей. Та только теперь заметила, что всё ещё стоит в операционном фартуке с медными застёжками.

— Домой не пойду, — сказала Тая.

— Я и не предлагаю. Но кровь на застёжке заставит аудит решить, что мы проводили запрещённую процедуру.

На фартуке темнела капля из лопнувшей сосудистой риски. Тая переделась. Рукава халата сидели так же, как утром, но собственное тело ощущалось чужой комнатой, в которой ночью переставили мебель.

Марек встретил их у двери.

— Пациент передан, — сказала Тая. — Снимайте печать.

— Помещение останется закрытым до копирования журнала.

— Копии историй вы не получите.

— Получу перечень случаев с вашей подписью за последние три месяца.

— Там диагнозы.

— Тогда отделите их.

— Для отделения нужно открыть журнал, который вы опечатали.

Марек посмотрел на серебряную полоса, словно впервые заметил противоречие.

- Откроем вместе.
- Вы не имеете допуска.
- Вы будете читать, я — записывать номера.
- По последовательности номеров можно установить пациентов.
- Тогда предложите способ, доктор Ренн.

Его спокойствие оказалось не равнодушием, а дисциплиной. Марек не собирался уступать, но и не притворялся, будто его первый способ безупречен.

— Никаких имён, — сказала Тая. — Никаких дат рождения, адресов, профессий и описаний травмы. Вы увидите только величину разрыва, расчётную цену, фактическое списание и башенную отметку.

— Этого недостаточно, чтобы исключить повторные случаи.

— Достаточно, если сверку сделает человек, который имеет доступ к историям и не подчиняется ни мне, ни вам.

Они одновременно посмотрели на Севу.

— Восхитительно, — сказала та. — Всю жизнь мечтала стать компромиссом.

Марек снял печать, но оставил серебряную полосу на косяке. В архивную комнату вошла только Сева. Тая и аудитор устроились за столом дежурной сестры по разные стороны матового стекла. Сева передавала на него строки, заменяя каждый номер случайным знаком.

Первым появился квадрат: разрыв в два месяца, расчётная цена — один день, списано — один день, Четвёртая башня.

Затем круг, треугольник, две пересечённые линии. Нормальные операции складывались в ровную лестницу: чем тяжелее разрыв, тем выше цена, но ни одна ступень не превышала врачебную норму.

Пятый знак вспыхнул золотым.

Разрыв: три дня.

Расчётная цена: один час.

Списано: два месяца.

Башня: Седьмая.

— Ваша операция? — спросил Марек.

— Вы не получите даже этого подтверждения.

— Печать принадлежит вам.

— Печать могла быть скопирована.

— Поэтому и спрашиваю.

Тая вспомнила женщину, которая после пожара просыпалась каждую ночь за минуту до обрушения потолка. Операция заняла сорок минут. Цена отозвалась головной болью и прошла к вечеру. Во всяком случае, Тая так думала.

— Я подтверждаю только подлинность медицинского расчёта, — сказала она. — Один час.

Марек записал ответ, не пытаясь вытянуть больше.

Следующая золотая строка была хуже: пять часов разрыва, четыре месяца списания. Потом ещё одна — один день разрыва, семь месяцев.

— Три случая, — сказала Тая.

— Четыре с сегодняшним.

— Вы говорили о четырёх операциях за месяц.

— Да.

— Но этот журнал показывает три за три месяца.

Марек впервые изменился в лице. Совсем немного: взгляд остановился, пальцы замерли над реестром.

— Значит, четвёртая запись не из вашего журнала.

Сева высунулась из архивной комнаты.

— Или не из этой Палаты.

Она снова исчезла за дверью. На стекло легла новая таблица — перечень врачебных печатей без привязки к пациентам. Печать Таи использовали двадцать семь раз. В её собственном журнале было двадцать шесть операций.

— Подделка, — сказал Марек.

— Не обязательно. Печать могла сработать в резерве.

— Резерв требует вашего личного хронометра.

Тая машинально коснулась диска под воротом. Тридцать пять лет. Новый возраст всё ещё не укладывался в слово «мой».

— Он был в Палате каждую ночь.

— А вы?

— Дежурила через двое суток.

— Значит, в остальные ночи доступ оставался у персонала.

— Не превращайте каждого врача в подозреваемого.

— Я перечисляю условия.

— Вы выбираете те, которые ведут внутрь Палаты.

Марек захлопнул реестр.

— Потому что ваша печать находится внутри Палаты. А отметка Седьмой башни — снаружи. Мне нужны обе стороны.

— Вам нужна простая схема: продажный врач и поддельный журнал.

— Простые схемы редко создают лишние строки в городском учёте.

Он повернул к ней копию записи Орина. Тая уже видела слова о поставщике, но теперь заметила узкую насечку рядом — знак внешней сделки. Такие ставили при передаче времени между учреждениями: больницей и домом ухода, судом и тюрьмой, аварийной службой и городским резервом.

— Кто получатель? — спросила она.

— Поле закрыто коммерческой тайной.

Тая рассмеялась коротко и зло.

— Историю больного вы готовы раскрыть ради проверки, а того, кто получил его рассвет, защищаете законом о торговле?

— Я не писал закон.

— Но исполняете его именно там, где удобно.

— Поэтому мне нужно доказательство, что предмет сделки украден. Не ваше убеждение. Не мой интерес. Доказательство.

Последние слова прозвучали слишком лично. Тая вспомнила: он признал, что у него есть собственная причина расследовать рассветы. Но сейчас спросить означало бы использовать ту же лазейку, которую она ему запрещала.

Сева вернулась с двумя тонкими пластинами.

— Я прогнала не номера, а соотношения, — сказала она. — В нормальных случаях фактическая цена отличается от расчётной не больше чем на двенадцатую долю. У золотых — в десятки раз. Но интереснее другое: каждая лишняя цена округлена до полного месяца.

— Для продажи, — сказал Марек.

— Для учёта, — поправила Тая. — Месяц легко отделить от конкретной операции. Он выглядит как резервная доля.

Сева положила первую пластину на стекло. На ней были только семь башен и суммы списанного времени. У шести значения колебались. У Седьмой выстраивались в столбец: два месяца, четыре, семь, двенадцать.

— Это серия, — сказала она. — Но она не начинается с Таи.

Вторая пластина содержала старые обезличенные итоги Палаты за пять лет. Золотые строки уходили назад редкой, но непрерывной цепью. Другие врачи. Другие пациенты. Одна башня.

— Почему никто не заметил? — спросил Марек.

— Потому что каждый врач видел одну лишнюю цену и считал её своей ошибкой, — ответила Тая.

Она знала это не из статистики. В Палате не жаловались на возраст. Молодые врачи шутили о первых морщинах, старшие молча укорачивали смены. Признать несоразмерную цену означало признать, что ты неверно провёл расчёт или дрогнул в контуре. Проще было назвать потерю долгом профессии.

Тая подумала о Наде Орш, которая учила её принимать цену без свидетелей.

— Мне нужен полный ряд, — сказал Марек.

— Вы его получили.

— За пять лет. А Седьмая башня работает сорок три.

— Старые журналы в нижнем архиве. Туда вас не пустят без решения Совета Палаты.

— Решение будет к вечеру.

— Если вы покажете им истории пациентов, они закроют архив раньше.

Сева постучала ногтем по матовому стеклу.

— Проверка без имён, — сказала она. — Мы можем дать каждому случаю новый знак и хранить соответствие внутри Палаты. Аудит получит закономерность. Врачи — возможность подтвердить свои расчёты. Пациенты — право отозвать случай, если даже обезличенные признаки кажутся им узнаваемыми.

Марек нахмурился.

— Отзыв создаст пробелы.

— Да, — сказала Тая. — Согласие иногда мешает красивой таблице.

Он выдержал её взгляд.

— Подготовьте форму. Я внесу в запрос ограничение на обратную идентификацию.

Это была маленькая уступка, почти техническая. И всё же Тая почувствовала, как между ними сдвинулась первая задвижка.

Сева собрала пластины.

— Есть ещё совпадение, которое вам обоим не понравится. Все четыре новых пациента живут в разных районах. Возраст, профессии и травмы не связаны. Но за день до операции каждый пытался начать дело, которого давно боялся.

— Откуда ты знаешь? — резко спросила Тая.

— Из первичных бесед. Они не часть диагноза, поэтому я не вывела их на стекло. Один собирался уйти с работы. Одна — дать показания. Ещё один — вернуться домой. Орин утром впервые поднялся на Седьмую башню после прошлогоднего падения.

Марек снова открыл реестр.

— Мне нужны их имена.

— Нет, — сказала Тая.

— Тогда хотя бы подтверждение, что действие не состоялось.

— С их согласия.

— Пока вы будете его собирать, получатель использует следующий рассвет.

— А если мы раскроем людей без спроса, он использует их страх.

В коридоре пробил вечерний час. Обычный городской колокол, знакомый с детства. Тая всё равно вздрогнула.

Марек заметил, но ничего не сказал. Он вырвал из реестра чистый серый лист, написал сверху «Обезличенная сверка» и поставил подпись.

— До завтра, — сказал он. — Ни одного имени без согласия. Ни одной операции с вашей печатью. В полдень я вернусь за рядом Седьмой башни.

— А если будет экстренный пациент?

— Независимая бригада.

— Они не знают наших случаев.

— Научатся.

Тая хотела ответить, что некоторые навыки оплачиваются годами. Но светлая прядь отражалась в тёмном окне, и привычная гордость внезапно показалась частью чужого расчёта.

Марек ушёл. Сева заперла серый лист в отдельный ящик.

— Ты ему не доверяешь, — сказала она.

— Правильно.

— Он тебе тоже.

— Ещё правильнее.

Сева устало улыбнулась, потом показала на последнюю строку таблицы. Рядом с номером Седьмой башни мерцала новая золотая точка.

— Пять минут назад появился ещё один случай.

— В нашей Палате?

— Нет. Вообще без Палаты. Есть цена, есть получатель, есть рассвет. Врача нет.

За окном над городом темнели семь башен. На вершине Седьмой, слишком далеко для вечернего света, на мгновение вспыхнула золотая риска.

Кто-то открыл новую сделку.

Глава 3. Сестра у закрытой двери

Лина стояла перед дверью городской управы и держала ключ так, словно тот мог укусить.

Тая увидела её с другой стороны площади, ещё до того, как разглядела лицо. Узнала по синему рабочему пальто, по сумке с реставраторскими кистями и по упрямо прямой спине. Так Лина стояла, когда собиралась сделать что-то страшное и заранее запрещала себе отступить.

Дверь управы была обычной: тёмный дуб, медная ручка, над косяком часы приёма. Рядом проходили люди, толкали створку, исчезали внутри. Лина пропускала каждого и не двигалась.

Тая пересекла площадь почти бегом.

— Ты ранена?

Лина вздрогнула и спрятала ключ в кулак.

— Доброе утро и тебе.

— Покажи глаза.

— Нет.

— Лина.

— Я не пациентка.

Это прозвучало слишком быстро. Тая взяла сестру за подбородок прежде, чем успела вспомнить, что обещала себе не осматривать близких без просьбы. Зрачки были равными. Кожа тёплая. На виске билась ровная жила.

Лина отвела её руку.

— Именно поэтому я тебе ничего не рассказываю. Ты сначала ищешь повреждение, а потом спрашиваешь, что случилось.

— Что случилось?

— Уже поздно делать вид, будто ты спросила сначала.

Дверь снова открылась. Из управы вышел служащий с охапкой папок, придержал створку плечом и раздражённо посмотрел на сестёр. Лине нужно было всего лишь шагнуть. Она приподняла ногу — и замерла, будто за порогом оказался обрыв.

Служащий отпустил дверь.

Створка закрылась с негромким щелчком.

Лина выдохнула.

В её лице не было облегчения. Только стыд человека, которого собственное тело предало при свидетелях.

— В третий раз, — сказала она. — В понедельник, вчера и сегодня. Я дохожу сюда, проверяю бумаги, достаю ключ. Потом дверь закрывается, и всё.

— Зачем тебе ключ от управы?

Лина разжала пальцы. На ладони лежал короткий железный ключ с красной ниткой на головке.

— Это ключ от мастерской. Я хотела положить его на заявление. Такая у меня была глупая церемония: сдам документы, пойду на Каменную улицу и открою помещение уже как хозяйка.

Тая знала об этой мастерской больше, чем имела право. Знала размер залога, цвет вывески, трещину в северном окне и имя первого заказчика — вдовы, которая хотела восстановить дверь с зарубками роста своих детей. Два года Лина реставрировала чужие дома в наёмной артели. Полгода копила. Три месяца спорила с городской комиссией о вытяжке и противопожарных петлях. Неделю назад получила последнее разрешение.

— Ты передумала?

— Нет.

— Боишься долга?

— Да. И не поэтому.

— Комиссии?

— Тая, я всё ещё умею бояться. — Лина резко отвернулась к двери. — Вчера ночью я составила список из двадцати семи причин не открываться. Потом напротив каждой написала, что буду делать. Если не придут клиенты — возьму заказы артели. Если поднимут аренду — перееду. Если испорчу первую дверь — исправлю за свой счёт. Я могу думать об этом. Могу спорить. Могу выбрать. Но не могу сделать первый шаг.

На площади пробило десять. Над крышами тянулся бледный осенний свет, уже утративший рассветную ясность. Тая вспомнила золотую точку на таблице Севы: цена, получатель, рассвет — и ни одного врача.

— Когда ты впервые пришла сюда?

— В понедельник.

— В котором часу?

— Перед открытием. Хотела быть первой.

— Рассвет встречала здесь?

Лина посмотрела на неё внимательнее.

— На углу. Башни только зажглись. Какая разница?

— Что ты почувствовала?

— Перед дверью?

— Когда появился свет.

— Ничего особенного. Было холодно. Пахло мокрым камнем. Я подумала, что через час всё наконец начнётся.

— А потом?

— Потом подошла сюда.

— И?

— И ничего.

Тая услышала в этих словах не пустоту рассказа, а точное описание травмы. При разрыве часов жизни человек выпадал из собственного времени: тело продолжало движение, а проживаемое не успевало за ним или забегало вперёд. Здесь разрыва не было. Лина помнила прошлое, представляла будущее, принимала решения. Между решением и действием отсутствовал единственный мост.

— Попробуй открыть дверь, — сказала Тая.

— Ты издеваешься?

— Мне нужно увидеть.

— Уже увидела.

— Тогда ещё раз. Не подавай заявление. Просто коснись ручки.

Лина сунула ключ в карман и подошла к двери. Плечи поднялись, дыхание участилось. Она протянула руку. Пальцы остановились в ладони от медной ручки.

— Дальше, — тихо сказала Тая.

— Не могу.

— Больно?

— Нет.

— Страшно?

— Страшно, что я не могу.

Тая встала рядом, не касаясь сестры. На запястье Лины не было следа временного ожога, вокруг неё не дрожал воздух, тень совпадала с движением. Все привычные признаки отсутствовали.

— Теперь отойди и открой соседнюю дверь.

Справа находилась булочная. Лина бросила на Таю сердитый взгляд, дёрнула ручку и вошла внутрь. Через минуту вернулась с двумя горячими лепёшками.

— Вот, — сказала она. — Чтобы медицинское издевательство считалось завтраком.

— Значит, дело не в пороге и не в движении.

— Какая удача.

— Ты можешь войти в управу через другую дверь?

Они обошли здание. Служебный вход охранял привратник, но пропустил их после того, как Тая показала знак Палаты. Лина прошла коридор, поднялась на второй этаж, нашла зал заявлений. Всё это она сделала быстро, даже вызываясь. Только перед стойкой регистрации снова остановилась.

За стойкой сидела женщина в зелёном форменном жилете.

— Следующая, — позвала она.

Лина стиснула папку. Край плотной бумаги согнулся.

— Положи её на стойку, — сказала Тая.

— Знаю.

— Я не буду делать это за тебя.

— Я не просила.

Очередь за ними зашумела. Лина шагнула в сторону, пропуская мужчину с планом водостока. Потом женщину с жалобой на соседскую крышу. На третьем человеке служащая потеряла терпение.

— Если вы не готовы, освободите проход.

Лина прижала папку к груди.

— Готова.

— Тогда подавайте.

Пальцы Лины побелели, но рука не поднялась.

Тая почувствовала старое врачебное желание вмешаться: взять папку, назвать должность, заставить мир пропустить больного без препятствий. Она знала, что это сработает. И именно поэтому не сделала ничего.

— Мы вернёмся, — сказала она служащей.

На улице Лина швырнула лепёшку в урну.

— Поздравляю. Теперь у тебя есть два наблюдения.

— И ни одного объяснения.

— Объяснение простое: я трусиха.

— Трусость не выбирает одну стойку из всего города.

— Ты всегда так делаешь. Если вещь можно назвать болезнью, никто уже не виноват.

— Болезнь не отменяет ответственности.

— Зато даёт тебе право командовать.

Тая промолчала. Лина попала точно. После смерти матери Тая привыкла считать заботой всё, что удерживало младшую сестру от ошибок. Лина в ответ научилась скрывать ошибки до тех пор, пока исправляла их сама.

— Я не стану тобой командовать, — сказала Тая. — Но попрошу прийти в Палату.

— Нет.

— Я не буду записывать имя.

— Ты только что сказала, что не знаешь, болезнь ли это.

— Я знаю, на что это похоже.

— На что?

Тая посмотрела на семь башен. Днём их стёкла казались тусклыми, но Седьмая удерживала под куполом тонкую золотую искру.

— На утрату рассвета.

Лина ждала продолжения. Когда его не последовало, коротко рассмеялась.

— Рассвет не кошелёк. Его нельзя потерять.

— Можно потерять способность начать конкретное дело.

— Откуда ты это взяла?

Рассказать о пациентах означало нарушить границу, которую Тая отстояла перед Марек-ком. Даже без имён Лина могла узнать слишком многое по случайной подробности. Рассказать о проверке значило втянуть сестру в дело до согласия.

— Из обезличенной сверки, — ответила Тая. — Больше без разрешения пациентов сказать не могу.

Лина обхватила себя руками.

— А у меня разрешение спрашивать не нужно?

— Нужно. Поэтому я объясняю до осмотра. Я предлагаю измерить твои часы жизни, проверить память решений и реакцию на предмет, связанный с мастерской. Ты можешь отказаться от любого действия и уйти в любой момент. Запись останется без имени, пока сама не разрешишь иначе.

— И если я соглашусь, аудитор увидит меня как значок в таблице?

— Только величины, необходимые для проверки.

— А ты увидишь всё.

— Да.

Лина вынула из кармана ключ с красной ниткой.

— Тогда сначала ты покажешь мне, сколько лет потеряла вчера.

Тая хотела соврать. Не о самом годе — светлая прядь выдавала перемену, — а о том, насколько страшно ей было произнести число. Но сестра уже распознала паузу.

— Вот видишь, — сказала Лина. — Моё согласие не делает тебя прозрачной.

— Тридцать пять лет и семь месяцев.

Лицо Лины стало неподвижным.

— Утром тебе было тридцать четыре и семь.

— Да.

— За одну операцию?

— Расчётная цена была месяц.

— Остальное украли?

— Я пока могу сказать только: списание не соответствует ремонту.

Лина провела большим пальцем по бородке ключа.

— Ты пришла сюда из-за меня или искала следующую кражу?

— Я шла домой.

— Когда ты в последний раз шла домой утром?

Тая не нашла ответа.

Лина вздохнула и протянула ей ключ.

— Я соглашусь на осмотр. Но ключ останется у меня.

— Разумеется.

— И если ты попытаешься открыть им мою мастерскую вместо меня, я поменяю замок.

— Разумеется.

— Не говори так, будто уже всё решила.

— Постараюсь.

Лина забрала лепёшку из руки Таи, откусила край и направилась к Палате. На ходу она достала папку и расправила смятый угол заявления.

*

Сева превратила малую смотровую в комнату без имён за двадцать минут.

Она сняла табличку с двери, убрала журналы, накрыла матовым чехлом счётное стекло и выдала Лине белую пластину согласия. На ней было больше строк для отказа, чем для разрешения.

— Хорошая форма, — сказала Лина.

— Твоя сестра спорила за каждую строку.

— Это на неё похоже.

— А аудитор соглашался быстрее.

— Это на него не похоже, — сказала Тая.

Марек должен был вернуться только в полдень, но уже стоял за стеклянной перегородкой коридора. Увидев Таю, он поднял серый реестр. Она вышла к нему, закрыв дверь смотровой.

— У нас возможный новый случай, — сказала она.

— Врачебный?

— Нет.

— Время события?

— Понедельник, общий рассвет. Возможно, тот случай без Палаты.

Марек посмотрел на закрытую дверь.

— Имя мне не скажете.

— Нет.

— Даже если дело произошло вне медицинской тайны?

— Человек пришёл ко мне как к врачу.

— Тогда мне нужно подтверждение согласия и номер обезличенного случая.

— После осмотра.

Он не спорил. Только сделал шаг назад, освобождая проход.

— Я буду в архиве. Если возникнет угроза повторного изъятия, позовите.

— Каким образом вы её остановите?

— Пока не знаю.

Честный ответ напугал сильнее уверенного.

Лина сидела на кушетке и читала форму с конца. Она разрешила измерение часов жизни, беседу и обезличенное сравнение. Запретила передачу описания мастерской, родства с врачом и любых предметов без отдельного подтверждения. В строке «может ли врач остановить проверку по своему усмотрению» приписала: «Пациент тоже может».

Сева поставила свидетельскую печать.

— Начнём с часов, — сказала Тая.

Она закрепила на запястье Лины лёгкий медный обруч. Тонкая стрелка дважды обошла циферблат и остановилась точно на прожитом возрасте.

— Разрыва нет, — сообщила Тая. — Ни старения, ни потерянного промежутка.

— Значит, я здорова?

— Значит, твоя жизнь не расходится с телом. Теперь представь мастерскую открытой.

Лина закрыла глаза.

— Представила.

— Что видишь?

— Свет на северном окне. Верстак. Дверь вдовы Сарры на козлах. Банки с составами не возле печи, потому что Сева однажды расскажет мне, что там им не место.

— Обязательно расскажу, — сказала Сева.

— Есть страх?

— Конечно. Денег хватит на четыре месяца. Если заказов не будет, придётся вернуться в артель.

— Желание отказаться?

Лина долго прислушивалась к себе.

— Нет.

— Открой глаза. Возьми ключ.

Красная нитка легла поперёк её ладони. Стрелка обруча не дрогнула.

— Скажи: «Я открою мастерскую».

— Я открою мастерскую.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Сейчас?

Лина открыла рот. Из горла вышел сухой звук. На медном обруче стрелка рванулась вперёд и ударилась о стекло, хотя возраст не изменился.

Сева наклонилась ближе.

— Это что?

— Часы ищут продолжение решения, — сказала Тая. — И не находят.

Она попросила Лину назвать любое другое действие. Позвонить хозяину помещения. Купить масло для петель. Пообедать. Отказаться от мастерской навсегда. Все фразы проходили через обруч ровно.

Но стоило сказать «подать заявление», «повернуть ключ» или «принять первый заказ», стрелка ударялась в стекло.

Не будущего не было целиком. Кто-то вынул из него связанные первые действия, оставив планы, последствия и даже право передумать.

— Теперь я пациентка? — спросила Лина.

— Теперь у нас есть повреждение, — ответила Тая. — Но я не знаю, как его лечить.

— А если просто заставить меня? Взять за руку и повернуть ключ?

— Можно заставить тело выполнить движение. Это не вернёт тебе начало. И тогда мастерская откроется моим решением, а не твоим.

Лина сжала ключ.

— Не смей.

— Не стану.

На счётном стекле под чехлом прозвенел сигнал. Сева открыла его и вывела только новый знак случая — маленькую дверь без ручки. Рядом возникли три строки.

Цена: один рассвет.

Получатель: закрыт.

Источник: Седьмая башня.

— Совпало, — сказала Сева. — Сделка появилась в понедельник на общем рассвете. Медицинской печати нет.

За дверью смотровой слышались шаги Марека, но он не вошёл.

Тая смотрела на знак закрытой двери и чувствовала, как профессиональная ярость спорит с сестринским страхом. Если бы пострадал незнакомый человек, она бы уже строила цепь доказательств. Если бы пострадала только Лина, Тая закрыла бы Палату и искала способ вернуть ей утраченное. Но это был один и тот же случай. Разделить его на личное и служебное не получалось.

— Что теперь? — спросила Лина.

Тая сняла с её руки обруч.

— Теперь ты решаешь, остаётся ли знак в проверке.

— Если отзову его, вы потеряете совпадение?

— Да.

— А если оставлю, кто-то поймёт, что украл именно у меня?

— Возможно. Мы сократим признаки до необходимого минимума, но нулевого риска нет.

— Ты хочешь, чтобы я согласилась.

— Очень.

— Но просить не будешь?

— Нет.

Лина перечитала форму и поставила вторую подпись — разрешение использовать знак до конца первичной сверки. Рядом дописала: «Без передачи ключа и адреса мастерской».

— До полудня, — сказала она. — Потом спросите снова.

Сева отметила срок отзыва.

Тая открыла дверь. Марек ждал в коридоре, глядя в окно, и повернулся только после приглашения.

— Случай подтверждён, — сказала Тая. — Один рассвет, Седьмая башня, без врачебной операции. Согласие дано до полудня. Других признаков вы не получите.

— Достаточно, чтобы открыть проверку башни, — ответил он.

— Тогда открывайте.

Марек приложил аудиторскую печать к серому реестру. Бумага потемнела, принимая новый номер. В тот же миг ключ в руке Лины стал горячим.

Она вскрикнула и уронила его на каменный пол.

Красная нитка вспыхнула золотом. Внутри железной бородки на мгновение проступила тонкая стеклянная сердцевина — словно кто-то спрятал рассвет не в небе, а в металле от чужой двери.

Свет исчез прежде, чем Тая успела коснуться ключа.

На полу остался обычный кусок железа. Только красная нитка выгорела добела.

Марек опустился на колени, не притрагиваясь к находке.

— У кого ещё есть доступ к этому ключу?

— Ни у кого, — сказала Лина. — Его выточили вчера при мне.

— По какому замку?

— По замку моей мастерской.

Тая увидела, как аудитор запоминает ответ, и впервые пожалела, что разрешение нельзя забрать обратно вместе с уже сказанными словами.

Лина подняла ключ сама.

— Адреса вы не получите, — сказала она.

— Без отдельного согласия — нет, — ответил Марек. — Но тот, кто провёл сделку, уже знает дверь.

За окнами Седьмая башня ударила один раз, хотя до полудня оставалось больше часа.

Лина стиснула побелевшую нитку.

— Тогда нам придётся добраться до неё раньше.

Глава 4. Стекланный ключ

До полудня оставалось сорок семь минут, когда в Палату привезли человека, который не боялся умереть.

Независимая бригада должна была принять его без участия Таи. Так предписывала аудиторская печать. Но двое санитаров остановили каталку прямо перед малой смотровой, и старший врач бригады позвал её по имени.

— Нам нужен ваш контур, доктор Ренн.

— Моя печать отстранена.

— У него нет разрыва. По крайней мере такого, который мы умеем считать.

Пациент сел прежде, чем санитар успел придержать ему плечо. Ему было около пятидесяти; дорогой плащ разрезали от ворота до манжеты, на белой рубашке темнела кровь. Он улыбнулся Тае с вежливостью хозяина, принимающего гостя в собственном доме.

— Какая суета, — сказал он. — Царапина.

Из-под повязки на боку проступило новое красное пятно.

— Вы потеряли много крови, — сказала Тая.

— Восполним.

— Как получили рану?

— Перелезал через ограду литейного двора.

Старший врач протянул ей приёмную пластину. Имя пациента было скрыто служебной заслонкой, но занятие осталось: совладелец Северных литейных мастерских.

— Зачем владельцу перелезать через собственную ограду? — спросила Тая.

— Чтобы открыть ворота, — ответил пациент. — Рабочие их заперли.

— Почему?

— Не хотели начинать плавку до проверки треснувшего желоба. Обычная трусость, которую они называют осторожностью.

Он говорил легко, почти радостно. Не храбрость — Тая видела храбрость у людей, знающих цену действию. Этот человек не видел цены вовсе.

— Плавку остановили? — спросила она.

— Пока да. Но через час я вернусь и подпишу приказ.

Лина стояла у стены, всё ещё сжимая свой ключ. На слове «приказ» она посмотрела на пациента так, будто узнала голос за закрытой дверью.

Тая попросила медиков перенести мужчину в большую смотровую. Марек пошёл следом, но остановился у порога.

— Согласие на присутствие аудитора, — напомнила Тая.

Пациент усмехнулся.

— Пусть входит. Мне нечего скрывать.

— Это не согласие, а бравада. Прочитайте форму.

— Доктор, я только что прошёл по краю расплавного канала.

— Поэтому я не уверена, что сейчас вы способны оценивать риск.

Улыбка исчезла. Впервые на его лице возникло не сомнение, а раздражение.

— Лечите бок. Остальное вас не касается.

— Тогда аудитор останется снаружи.

Марек без возражений закрыл дверь перед собой.

Осмотр подтвердил глубокий порез, но не временную травму. Тая остановила кровь обычным способом, пока старший врач готовил швы. Пациент ни разу не спросил, опасна ли рана. Зато трижды потребовал вернуть плащ.

При четвёртом требовании из внутреннего кармана раздался хруст.

Лина побледнела.

— Что там у вас?

— Личные вещи.

— Ключ, — сказала она. — Покажите ключ.

— Вы врач?

— Нет. Я делаю замки и двери.

— Тогда тем более.

Пациент потянулся к плащу. Тая перехватила его запястье.

— Пока шов не закончен, вы лежите.

— Вы только что защищали моё право на тайну.

— Защищаю и сейчас. Но предмет мог повредиться и ранить вас снова. Выньте его сами или разрешите санитару.

Мужчина выбрал первое. Из кармана появился прозрачный ключ длиной с ладонь. Внутри стекла горел узкий золотой просвет. Головку охватывала белая нить.

Такая же белая нить осталась на ключе Лины после того, как выгорела красная.

— Где вы его получили? — спросила Тая.

— Купил.

— У кого?

— Это имеет отношение к ране?

— Возможно.

— Тогда докажите.

Он зажал ключ в кулаке. Золотой свет просочился между пальцами и коснулся обруча на его запястье. Стрелка, до сих пор показывавшая ровный прожитый возраст, исчезла.

Не сдвинулась — исчезла, словно впереди не осталось ни одного варианта, который прибор умел бы различить.

Тая отступила.

— Положите ключ.

— Нет.

— Он вмешивается в ваши часы.

— Он избавляет от колебаний.

— Колебание — часть способности оценить последствия.

— Так говорят люди, которые всю жизнь стоят у порога.

Лина резко вдохнула.

Тая увидела, как сестра поднесла железный ключ к лицу, рассматривая белую нить. Ещё минуту назад она знала, от какого тот замка. Теперь взгляд стал пустым и вежливым.

— Лина, — сказала Тая. — Что открывает твой ключ?

— Не знаю.

— Вспомни Каменную улицу.

— Я знаю Каменную улицу.

— Северное окно. Верстак. Дверь вдовы Сарры.

Лина нахмурилась.

— Откуда тебе известно о двери Сарры?

Слова упали тяжелее любого диагноза. У Лины не исчезли память, ремесло или мечта о самостоятельной работе. Исчезла связь между ними и первым выбранным шагом. Будто мастерской никогда не существовало в её будущем.

Тая повернулась к пациенту.

— Отдайте предмет.

— Вы не имеете права его изъять.

— Я имею право остановить воздействие в лечебном помещении.

— Тогда я уйду.

Он сорвал незаконченный шов. Кровь выступила мгновенно. Пациент даже не взглянул на бок, прыгнул с кушетки и пошатнулся.

Тая встала между ним и дверью.

— Вы можете отказаться от лечения. Сначала врач объяснит последствия, затем вы подпишете отказ.

— Я уже решил.

— Именно это меня беспокоит.

Стеклянный ключ вспыхнул ярче. На одно мгновение Тая увидела внутри не свет, а чужое утро: руки Лины на свежеевыкрашенной двери, красную нитку над замком, солнечную полосу на пустом верстаке. Картина была такой точной, что сомнений не осталось. Пациент держал не смелость вообще. Он держал конкретное начало её сестры.

Лина тоже увидела. Но не узнала.

— Красиво, — сказала она.

Пациент направил ключ к замку смотровой. Стекло прошло в скважину, хотя его борodka не подходила. Замок щёлкнул.

За дверью стоял Марек.

— Господин Дарен Восс, — сказал он, глядя не на лицо пациента, а на золотой ключ. — Северная литейная только что сообщила о попытке запустить аварийную плавку. Вы задержаны до оценки способности принимать решения.

— Вы назвали моё имя при посторонних.

— Его назвал начальник двора в открытом тревожном сообщении. Но вы правы: я не должен был повторять.

Марек отступил на полшага, оставляя выход свободным.

— Вы можете уйти. Я не стану удерживать вас без постановления.

Восс улыбнулся и шагнул к коридору.

— Но ключ останется предметом опасного временного воздействия, — продолжил Марек. — Если вы унесёте его, постановление будет получено до того, как вы спуститесь с лестницы.

— Угроза?

— Описание процедуры.

Восс посмотрел на лестницу, на ключ и на кровь, стекавшую по рубашке. Обычный человек хотя бы на миг испугался бы. Он лишь сравнил препятствия.

— Сколько времени займёт ваше постановление?

— Меньше, чем вы проживёте без законченного шва, — сказала Тая.

Старший врач недовольно кашлянул.

— Это преувеличение.

— Знаю. Хотела проверить, способен ли он испугаться.

Восс рассмеялся.

— Способен. Просто больше не обязан слушаться страха.

Он положил стеклянный ключ на край стола.

Стрелка его обруча вернулась. Сначала задрожала, затем заметалась между делениями. Восс увидел кровь и побелел.

— Что я сделал?

Колени подогнулись. Тая и старший врач подхватили его одновременно, уложили обратно и закончили шов. Теперь пациент задавал вопросы: будет ли заражение, не задеты ли внутренние органы, успели ли остановить плавку. Страх вернулся не как слабость, а как зрение.

Марек накрыл ключ серой тканью.

— Вы его купили сегодня?

— На рассвете, — прошептал Восс. — В «Чужом доме».

— Где это?

— Не знаю адреса. Дверь появилась в переулке за Седьмой башней. Без окон, вывеска медная. Мне сказали, что мастерская открывается там, где покупатель готов начать.

— Кто продал?

— Мужчина по имени Эдар. Фамилии не назвал.

В коридоре часы пробили половину двенадцатого.

Тая посмотрела на Лину.

— Ты давала согласие до полудня. Помнишь на что?

— На проверку какого-то случая.

— Своего.

— У меня нет случая.

— Есть. И этот ключ содержит твоё утраченное начало.

Лина взглянула на серую ткань. В её лице не появилось узнавания, только осторожность человека, которому предлагают чужую биографию.

— Тогда почему я ничего не чувствую?

— Потому что чувство тоже вело к первому шагу.

— Удобное объяснение.

— Ужасное, — сказала Тая. — Но не удобное.

Марек положил рядом с тканью белую пластину согласия.

— В одиннадцать пятьдесят девять разрешение закончится. После этого я закрою знак и не смогу использовать связь ключа с вами. Вы можете продлить согласие, изменить условия или отозвать его сейчас.

— Почему я должна решать, если не помню, что потеряла?

Никто не ответил сразу.

Тая поняла, что именно на это рассчитывал продавец. Согласие защищало человека, способного назвать своё утраченное право. Лина больше не могла оценить ценность мастерской — следовательно, любой выбор казался чужим внушением.

— Ты не обязана решать судьбу мастерской, — сказала Тая. — Реши только, разрешаешь ли сохранить доказательство до момента, когда сможешь оценить его сама.

Лина провела пальцем по белой нити своего железного ключа.

— До завтрашнего рассвета. Ключ Восса не разбивать, не применять и не передавать. Моё имя и адрес не раскрывать.

Марек записал условия дословно.

— Принимаю.

Восс отвернулся к стене.

— Мне обещали, что никто не пострадает. Что рассветы берут у тех, кто всё равно ими не пользуется.

— Она пришла к двери три раза, — сказала Тая.

— Я не знал.

— Теперь знаете.

Он закрыл глаза. Страх больше не спасал его от ответственности и не делал виновнее, чем он был. Он лишь возвращал ему способность увидеть другого человека по ту сторону собственного решения.

Сева вошла со счётной пластиной.

— Плавку остановили. Но есть ещё кое-что. Когда стеклянный ключ открыл дверь смотровой, знак сделки сменил получателя.

— На кого? — спросил Марек.

Сева повернула пластину. В строке не было имени.

Там стоял номер двадцать седьмой операции под печатью Таи.

— Ключ провёл действие через несуществующего пациента, — сказала Сева. — А цену записал на врача.

Тая коснулась хронометра под воротом. Тридцать пять лет и семь месяцев. Стрелка пока не двигалась.

Под серой тканью стеклянный ключ тихо звякнул о стол, словно пробовал новый замок.

Глава 5. Цена врача

Нада Орш сняла хронометр с шеи Таи так, словно принимала у неё оружие.

— Сядь.

— Я стою вполне уверенно.

— Поэтому и сядь сейчас, пока уверенность не стала ещё одним симптомом.

В старшей ординаторской было тесно от вещей, переживших своих владельцев: шкафы с выцветшими фамилиями, медные тазы, которыми уже не пользовались, часы без стрелок. Нада заперла дверь, задёрнула светлую штору на матовом стекле и положила хронометр в углубление диагностического стола.

Тая осталась на краю стула. Без холодного ободка под воротом стало неуютно, будто у неё отняли не прибор, а право знать собственный возраст.

За дверью ждали Марек и Сева. Нада впустила бы статистку, если бы Тая попросила. Аудитора — только после отдельного спора. Но сначала Тая хотела услышать ответ без протокола.

— Цена операции Орина должна была составить один месяц, — сказала она. — Я заплатила год. Теперь через мою печать провели цену стеклянного ключа. Объясни, как это возможно.

Нада не ответила. Она достала из нижнего ящика три тонкие вилки из тёмной меди и установила вокруг хронометра. Между зубцами натянулись нити света: серебряная, синяя и почти невидимая золотая.

— Кто ещё касался прибора после операции?

— Никто.

— Снимала его?

— Только ночью, чтобы умыться. Он лежал у меня на ладони.

— Спала?

— Два часа.

— Это не сон.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Нада подняла взгляд. Ей было шестьдесят два, хотя официальный реестр утверждал, что пятьдесят восемь. В Палате старались не замечать разницу. Тая прежде считала молчание уважением к старшему врачу. Теперь оно показалось частью той же стены, за которой прятали неудобную арифметику.

— Чтобы понять, сколько правды ты сейчас выдержишь, — сказала Нада.

— Всю, которая принадлежит мне.

Золотая нить между вилками дрогнула. Нада повернула хронометр обратной стороной и нажала ногтем на незаметный шов. Крышка разделилась на два диска. Под привычным циферблатом оказался второй — без чисел, с четырьмя узкими канавками.

В первой лежала засохшая тёмная крупинка. В трёх остальных светились свежие медные черты.

— Что это?

— Обратная память.

— У врачебных хронометров её нет.

— У нынешних нет.

Нада сняла с полки коробку и поставила рядом. Внутри лежал широкий кожаный ремешок с пустым гнездом. На пряжке сохранились две буквы: «Н. О.».

— Когда я начинала, часы жизни чинили иначе, — сказала она. — Не было общего резерва, из которого Палата будто бы покрывает неточную цену. Врач заранее называл предел

поправки. Если во время операции требовалось больше, пациент мог добровольно принять недостающий срок на себя. Или близкий человек мог предложить часть своего времени. Не жизни — возраста. Неделю, месяц, иногда день. Каждая доля подтверждалась отдельной печатью и оставалась видна здесь.

Она коснулась пустого гнезда.

— В обратной памяти?

— Да. Чтобы никто не мог назвать подарок долгом и взыскать его снова.

Тая смотрела на четыре канавки своего прибора.

— А врач?

— Врач имел право доплатить собой. Только после завершения лечения, когда пациент уже не зависел от его решения. В присутствии второго врача. С правом отзыва до следующего рассвета.

— Добровольная плата.

— Именно. Не обязанность. Не героизм. И точно не условие помощи.

За стеной прошла каталка. Колёса стукнули на треснувшей плитке четыре раза, и каждый удар совпал с пульсом в правом виске Таи.

— Почему норму отменили?

— Потому что добровольность плохо переживает благодарность. Родители отдавали годы за детей, ученики — за наставников. Врачи становились святыми при жизни, а потом не могли отказать следующему пациенту, не превратившись в глазах города в убийц. Палата создала резерв малых поправок и запретила адресные дары.

— Разумно.

— Было бы разумно, если бы резерв состоял из времени.

Нада взяла одну медную вилку. Золотая нить погасла.

— Из чего он состоит?

— Из доверия к записи. Никто не хранит месяцы в подвале, Тая. Резерв — это соглашение башен, что небольшую разницу можно распределить между многими безопасными исходами. Он работает, пока поправка мала, случай подтверждён, а каждая печать настоящая. Если провести через него чужое действие, система ищет того, чью ответственность умеет прочитать.

— Врача.

— Всегда врача.

Тая вспомнила золотой свет на ключе Восса и исчезнувшую стрелку его обруча. Чужой рассвет прошёл через несуществующую операцию, но реестр всё равно нашёл живого человека на другом конце печати.

— Значит, мою старость используют как залог.

— Пока как подтверждение возможности взыскать цену.

— Очень утешает разница в словах.

Нада не отвела взгляда.

— Я не пытаюсь тебя утешить.

Она вернула вилку и провела над первой канавкой плоским считывателем. На матовой стене возникла дата пятилетней давности. Тогда Тая ещё работала в ночной бригаде и носила волосы до плеч. Под датой проявилось: «девять дней». Затем — её врачебная печать.

— Я помню тот случай, — сказала Тая. — Девочка с остановившимся летним часом. Поправка была два дня.

— Два ты и заплатила. Девять внесли позже.

— Кем?

— В записи нет пациента.

— Тогда откуда ты знаешь, что это не неисправность прибора?

— Потому что у меня такая же.

Нада сказала это ровно, но её рука осталась на краю стола, будто без опоры могла выдать дрожь.

Тая посмотрела на старшую врача внимательнее. Четыре лишних года. Не тяжёлые операции, о которых знала Палата. Не ошибка ранней школы. Возможно, десятки маленьких, аккуратно округлённых списаний.

— Ты знала.

— Я знала, что старые приборы иногда показывают остаточную плату. Не знала, откуда она берётся.

— И никому не сказала?

— Сказала хранителю Седьмой башни.

Имя ещё не прозвучало, а Тая уже услышала его.

— Эдару.

— Эдару Крою. Тогда он проверял резерв Палаты.

Нада убрала считыватель. Дата исчезла, но девять дней остались у Таи перед глазами.

— Что он ответил?

— Что обратная память сохраняет шум отменённых согласий. Что новые приборы потому и делают без неё. Он предложил заменить мой хронометр.

— Ты отказалась.

— Да.

— А мой откуда?

Нада посмотрела на кожаный ремешок в коробке.

— Из моего первого комплекта. Я отдала его тебе после твоей шестой самостоятельной операции. Новый корпус, старое ядро.

Тая вспомнила тот день: ладонь Нады на её плече, медный круг на синей ленте, редкую похвалу — «Теперь ты умеешь останавливаться». Она носила прибор четырнадцать лет и ни разу не знала, что под циферблатом существует второй слой.

— Поэтому моё списание видно, а остальные врачи его не заметят.

— Скорее всего.

— И поэтому подделыватель выбрал мою печать? Знал, что старое ядро подтвердит долг?

— Или выбрал любую доступную печать, а твой прибор оказался единственным свидетелем.

Это было честнее и хуже. Тая хотела виновника, который видел именно её. Безличная система, перемалывающая любого подходящего врача, не давала даже утешения личной ненавистью.

— Покажи остальные.

Во второй канавке обнаружилось три недели, списанные два года назад через операцию, которая действительно существовала. Пациент пережил хронологический разрыв после пожара в красильне. Тая помнила его жену, приносившую груши всей ночной бригаде. В официальном протоколе поправка была закрыта полностью.

— Рассвет? — спросила она.

— Прибор хранит только цену. Сопоставление сделает Сева.

Третья черта оказалась тоньше: одиннадцать дней прошлой весной. Номер операции принадлежал Палате, но не Тае. Её печать стояла как печать второго врача.

— Я не подтверждала этот случай.

— Знаю.

— Откуда?

— Вторым врачом была я.

Тая подняла голову.

— Тогда чья печать стоит вместо твоей?

— Твоя.

В четвёртой канавке лежала свежая цена операции Орина: одиннадцать лишних месяцев, тяжёлая, почти чёрная отметина. По краям уже проступал золотой ободок от ключа Лины.

Но Нада не закрыла прибор.

— Ты сказала о трёх скрытых списаниях, — произнесла Тая. — Здесь три старых и Орин.

— Орин не скрыт. Его возраст уже изменил тебя. А три старых пока только назначены.

— Что значит «назначены»?

— Они ждут подтверждающего события.

— Какого?

Нада снова сняла вилку. Теперь все четыре канавки соединились золотой линией. Она вышла за край хронометра и потянулась к окну — в сторону Седьмой башни.

— Общего рассвета, достаточно сильного, чтобы признать долг единым.

Тая почувствовала, как внутри становится тихо.

— Сколько?

— Сорок один день вместе с текущей отметкой. Если ничего больше не добавится.

— Я уже постарела на одиннадцать месяцев.

— Это цена операции Орина. Сорок один день — отдельный долг.

— Три следа за пять лет и сорок один день? Ради этого кто-то строил целую мастерскую?

— Ты видишь только то, что дошло до твоего прибора. И только нижний слой каждого списания. Рассвет нельзя измерить днями возраста напрямую. Эти дни — залог, позволяющий записи выглядеть медицинской.

— А настоящая цена у того, кто не может начать.

Нада кивнула.

Тая встала. Комната качнулась всего на мгновение, но Нада заметила и протянула руку. Тая не приняла помощь — не из упрямства, а чтобы проверить собственное равновесие. Пол остался на месте.

— Впустим Севу.

— И аудитора?

— После того как зафиксируем медицинские данные без имён.

— Он решит, что мы уничтожаем следы.

— Пусть решает. Его подозрение не даёт ему право видеть чужие истории.

Нада впервые за утро улыбнулась.

— Теперь ты действительно в порядке.

Сева вошла с двумя пустыми пластинами и сразу остановилась у стола.

— Старое ядро?

— Ты знала о таких? — спросила Тая.

— В теории. В архиве статистиков они называются приборами встречной цены. Считалось, что все переплавлены.

— Один не переплавлен. Сопоставь даты и суммы с обезличенной цепью. Никаких имён, адресов и диагнозов.

Сева придвинула стул, но не села.

— Сначала разрешение владельца прибора.

— Разрешаю сверить даты, длительность и номера печатей. Запрещаю связывать результаты с именами пациентов без их отдельного согласия. Срок — до следующего рассвета.

— А ваше имя?

Тая посмотрела на раскрытый хронометр. Собственную тайну защищать было труднее, чем чужую: она казалась помехой делу.

— Моё можно указать аудитору как владельца печати и возможного плательщика. Не как виновную.

Сева записала условие дословно.

Сверка заняла двадцать минут. Нада диктовала числа, Тая проверяла их на приборе, Сева прокладывала обезличенные связи. Первая дата совпала со сделкой, после которой женщина пять лет не могла отправить письмо о возвращении домой. Вторая — с мужчиной, так и не открывшим школу для детей литейщиков. Третья вела к случаю без действующего врача и к покупке, проведённой через Седьмую башню.

Три разных операции. Три разных украденных начала. Одна печать Таи.

— Они тренировались, — сказала Сева. — Сначала девять дней, потом три недели, потом одиннадцать. Проверяли, замечает ли резерв подмену.

— Почему суммы не растут по порядку? — спросила Нада.

— Потому что испытывали не объём. Разные способы привязки. Здесь печать врача операции. Здесь печать владельца прибора. Здесь печать второго врача. А вчера — несуществующая операция целиком.

Тая увидела последовательность: не случайные кражи, а работа мастера, проверяющего ключи на разных замках.

— Моя печать для них универсальная.

— Была, — сказала Сева. — Теперь мы её видим.

Из коридора донёсся голос Марек:

— Доктор Ренн, срок хранения стеклянного ключа истекает через девятнадцать часов. И мне всё ещё неизвестно, почему из вашей ординаторской тянется след к Седьмой башне.

— Потому что вы стоите у двери и подслушиваете, — ответила Тая.

— Дверь тонкая. Я стою далеко.

Нада вопросительно подняла бровь.

Тая закрыла внутреннюю крышку хронометра, но оставила прибор на столе.

— Впустите его.

Марек вошёл один. В руках у него не было ни ордера, ни синей папки аудитора — только чистая форма согласия. Он заметил открытый корпус, золотую линию к окну и кожаный ремешок Нады. На лице ничего не изменилось, кроме взгляда: он перестал искать нарушение и начал считать цену.

— Это списали с вас? — спросил он.

— Это пытались провести через мою печать, — сказала Тая. — Разница существенна.

— Для дела — да. Для вашего тела?

— Пока тоже.

Он не потребовал даты. Не потянулся к пластинам Севы.

— Какие данные вы готовы открыть?

Тая перечислила условия. Марек записал их в чистую форму и добавил от себя: сведения нельзя использовать для ограничения врачебной практики Таи до независимого подтверждения подделки.

— Это защита или способ не потерять источник? — спросила она.

— И то и другое может быть правдой одновременно.

— Не люблю такие ответы.

— Я тоже. Но от удобных ответов у нас уже появилась мастерская без окон.

Нада положила ладонь на стол.

— Есть ещё условие. Моя старая запись Эдару Крою передаётся только целиком: обращение, его ответ и предложение заменить прибор. Если найдётся оригинал.

Марек впервые посмотрел на неё как на участницу дела, а не руководителя учреждения.

— Вы готовы подписаться под тем, что знали об аномалии пять лет?

— Я готова подписаться под тем, что поверила объяснению хранителя. Это не одно и то же.

— Для ответственности разница есть. Для последствий — не всегда.

— Поэтому и подпишусь.

Тая услышала в голосе Нады не раскаяние напоказ, а трудное согласие стать видимой. Пять лет назад старшая врач защитила прибор, но не людей, чьи дни оставались за безымянными отметками. Теперь она не просила снять с неё вину тем, что была обманута.

Марек поставил свою печать под условиями.

— Мне потребуется осмотреть сам хронометр.

— В присутствии Нады и Севы, — сказала Тая. — Без изъятия.

— Согласен.

— И вы не опечатаете меня как доказательство.

Его пальцы замерли на форме.

— Людей не опечатывают.

— Вчера вы опечатали палату вместе со мной внутри.

— Вчера я ошибся.

Признание прозвучало слишком быстро, чтобы быть приготовленным. Тая посмотрела на него, пытаясь понять, не новая ли это аудиторская техника. Марек выдержал взгляд и не добавил оправдания.

Сева кашлянула.

— Если личная часть закончена, у нас проблема со временем.

Она развернула последнюю пластину. Три старых списания, цена Орина и след стеклянного ключа сходились в одну точку. Не в текущем рассвете и не в следующем.

— Через шесть дней, — сказала Сева. — Башни проводят совместную поверку. Все неподтверждённые остатки признаются единым резервом.

— И тогда сорок один день спишут окончательно? — спросил Марек.

— Сорок один, если до поверки не появятся новые ключи, — ответила Нада.

— А украденные начала?

— Получат чистую медицинскую историю, — сказала Тая. — После этого мы сможем доказать кражу только через саму мастерскую.

Марек подошёл к окну и отодвинул штору на ширину пальца. Над крышами поднималась Седьмая башня. При дневном свете она выглядела не золотой, а серой, как старый зуб.

— У нас есть адрес? — спросил он.

— Переулок за башней, дверь без окон, — сказала Тая. — Восс утверждает, что она появляется там, где покупатель готов начать.

— Значит, обычный поиск не поможет.

Лина умела находить двери, которых не было на плане. Мысль пришла сразу — и сразу же показалась недопустимой. Её согласие истекало на рассвете. Её начало лежало под серой тканью в запертом шкафу. Нельзя было сделать пострадавшую инструментом лишь потому, что её ремесло подходило к замку.

Тая надела хронометр. Ободок оказался теплее, чем раньше. Под внешним циферблатом ждали три скрытые цены и ещё одна, уже выжженная в её лице.

— Сначала мы спросим Лину, — сказала она. — И примем любой ответ.

— Даже если она откажется? — спросил Марек.

— Особенно если откажется.

Нада закрыла коробку со старым ремешком.

— Тогда что будем делать с твоей печатью?

Тая могла отдать её аудитору, отказаться от операций и тем самым оборвать самый простой путь новых списаний. Но каждая свободная койка в Палате уже была занята. Подделыватель украл её ответственность; она не собиралась помогать ему украсть ещё и работу.

— Не прятать, — сказала она. — Сделать видимой каждую попытку использования. Сева поставит встречный счётчик. Нада подтверждает мои операции второй печатью. Пациент — третьей, если способен. Если нет, запись ждёт, но не списывает цену.

— Такого порядка нет в правилах, — сказал Марек.

— Поэтому вы сейчас запретите его?

Он посмотрел на золотую нить, всё ещё тянущуюся к Седьмой башне.

— Нет. Я зафиксирую временную меру и потребую проверить её после первого случая.

— Вы ужасно предсказуемы.

— Это единственная причина, по которой вам стоит впускать меня в ординаторскую.

На этот раз Тая почти улыбнулась.

Потом за окном башенные часы отбили полдень. Под воротом едва слышно щёлкнул хронометр. Одна из старых медных черт стала золотой по краю.

Цена ещё не была взыскана.

Но кто-то уже повернул ключ.

Глава 6. Аудитор у порога

На следующее утро Марек пришёл в Палату без печати на двери.

Он принёс ящик с формами согласия, поставил его у регистратуры и остался ждать под часами. Пациенты обходили серый аудиторский воротник. Марек никого не останавливал и не записывал имён.

— Стоит сорок минут, — сказала Сева.

— Пусть стоит, — ответила Тая.

После вчерашнего осмотра хронометра она почти не спала. Три скрытые цены ощущались не болью, а знанием о боли, которая сама выберет время.

Вошла Лина с калькой и плотницким углём.

— Моё согласие истекло. Я заберу железный ключ и проверю стеклянный.

— Он опечатан вашей формулировкой, не моей, — сказал Марек. — Открыть можно при вас.

Лина задела его ящик и прочитала заголовок верхнего листа.

— «Согласие на использование сведений о временной травме». Шесть страниц?

— Было одиннадцать.

— Вы гордитесь?

— Пока нет. Вы нашли непонятное место уже на первой строке.

Она ушла с Надой к шкафу доказательств, выбрав старшую врача нейтральным свидетелем. Решение укололо Тая, но она не назвала укол предательством: сестра возвращала себе контроль.

Марек протянул папку. Вопросы были разделены: разрешает ли человек подтвердить обращение, дату, вид печати, связь с утраченным первым действием. У каждой клетки был свой срок. Ни одна не отмечена заранее.

— Кто переписал?

— Я. Формы становятся короче, когда приходится читать собственные основания.

— Никаких просьб в день тяжёлой операции, — сказала Тая.

— Даже если след исчезнет?

— Особенно тогда. Зависимость пациента сильнее срочности дела.

Он исправил форму.

— Проверка в счётной комнате. Сева присутствует всё время. Вы не копируете исходные записи. Любой отзывает согласие без объяснений. И мы не начинаем с Лины.

Карандаш Марек остановился.

— Её случай связывает врача, покупателя и ключ. Это самый короткий путь.

Он говорил не об установлении нарушения, а о возвращении украденного. Слишком лично для аудитора.

— Кто не смог начать у вас? — спросила Тая.

— Это не относится к процедуре.

— Значит, кто-то есть.

Их прервал вызов. У ребёнка остановилась минутная стрелка, но под застёжку попала стружка. Тая вытащила её и запустила механизм. Когда мать с девочкой ушли, Марек ждал за тёмной линией лечебной зоны. Носки сапог не пересекали границу.

— Первый участник выбрал вас для разьяснения.

В коридоре стоял мужчина с чернильными пятнами на пальцах. Пять лет назад эти пальцы не могли разжаться вокруг неотправленного письма. Марек остался снаружи.

— Вы можете разрешить сверку суммы и даты, не рассказывая о событии, — объяснила Тая.

— А если расскажу?

— Сами выберете, кто услышит.

— Я пять лет не вернулся домой. Написал письмо после операции, но каждый раз переписывал начало. Мать умерла прошлой зимой. Теперь отправлять некому.

— Мне очень жаль.

— Не говорите так, будто вы виноваты.

— Моя печать стоит на списании.

— Печать — не рука.

Он разрешил видеть дату, вид печати и утрату действия Севе и врачебной коллегии. Клетку аудитора оставил пустой. Марек принял закрытый конверт, не вскрывая.

— Как будете расследовать? — спросил мужчина.

— С трудом.

До полудня пришли ещё двое. Женщина позволила использовать только месяц и номер башни. Бывший литейщик отказался, увидев Марека. Сева перечеркнула форму, вернула обе половины и не записала даже факт отказа. Аудитор не возразил.

В счётной комнате никто не видел всей записи. Сева сидела за решётчатым столом, Тая — у медицинского журнала, Марек — в дверном проёме. С его места были видны лишь итоговые суммы.

Первая дата связала девять дней встречной цены с утраченным письмом. Имя не появилось. Вторая и третья дали один результат: Седьмая башня. Рядом возникла петля повторного проведения через резерв.

— Одна печать? — спросил Марек.

— Печать доктора Ренн, — ответила Сева. — Владелица разрешила это назвать.

Марек сжал левую руку. Рукав поднялся, открывая круглый шрам от сопряжённого обруча. Его пересекала белая линия, похожая на нить стеклянного ключа.

— С кем был сопряжён ваш обруч? — спросила Тая.

— Это не относится к сверке.

— Но относится к конфликту интересов.

Марек мог уйти и вернуться с формальным требованием. Вместо этого положил ладони на колени.

— С младшей сестрой. До её совершеннолетия.

— Что она не смогла начать?

— Не знаю. Знаю дверь, у которой она остановилась. Она не разрешала спрашивать дальше.

— Вы начали дело из-за неё и не заявили конфликт.

— Да. Боялся, что пропавшее начало сочтут семейной ссорой.

— Решили, что правильное намерение важнее порядка.

— Да.

Признание не требовало прощения. Тая коснулась хронометра. Её печать тоже означала правильное намерение, потому ею оказалось удобно прикрывать чужую цену.

— До заявления конфликта вы не принимаете решений единолично.

— У вас нет права меня отстранить.

— Есть право закрыть дверь и отозвать согласие.

— Тогда управление заберёт материалы.

— Вам снова хочется отложить неудобное правило.

— Мне хочется не потерять след.

— А мне — не стать вашим удобным исключением.

Сева нашла временный порядок: аудитор заявлял связь, сохранял лишь охранные действия, анализ переходил статистику и коллегии. Марек заполнил форму. Имя сестры осталось

на закрытой стороне; на открытой он написал: «Содержание выбора владельца неизвестно и не выясняется без согласия».

Тая поставила свидетельскую печать.

— Теперь доверяете? — спросил он.

— Верю, что вы остановились у одной двери. Это не основание доверять у всех остальных.

Дверь архива открылась. Лина держала железный ключ, Нада — серый свёрток со стеклянным.

— Я не разрешаю использовать мой рассвет, — сказала Лина. — Но разрешаю перенести ключ к двери, где его сделали, если он останется запечатанным и у меня на виду.

Она развернула кальку. Между красильней и стеной водосборника оставалось пустое место.

— Дома там нет. Но мой ключ помнит замок.

Железная бородка повернулась в её ладони, указывая на пустоту карты.

— Сегодня после заката. Попробуем найти мастерскую между днями, когда она не ждёт продавца или клиента.

Тая посмотрела на золотую кромку скрытой цены. До проверки оставалось меньше шести суток.

Марек всё ещё сидел в дверном проёме.

— Можете войти, — сказала она. — Подписать маршрут и условия переноса.

Он поднялся только после того, как Сева освободила проход.

Ни доверие, ни близость не возникли от одного правильного шага. Но впервые Марек пересёк её порог не потому, что мог, а потому, что его позвали.

Глава 7. Дом без окон

После заката Седьмая башня отбрасывала тень не на восток и не на запад, а внутрь собственного двора.

Тая заметила это, когда они втроём миновали красильню. Над крышами ещё держалась медная полоса дня, фонари уже зажглись, а узкий проход между стеной водосборника и башней казался вырезанным из сумерек. В него не попадал ни свет окон, ни звон часовых механизмов.

Лина шла первой. На ремне у неё висели молоток, уголь и складной угольник — всё, что приличествовало реставратору, пришедшему осмотреть старую дверь. Железный ключ она несла в ладони. Серый свёрток со стеклянным ключом лежал в деревянном футляре у Таи под плащом.

Марек держался на шаг позади.

После заявления о конфликте он не имел права вести осмотр, выбирать улику или отдавать распоряжения. Зато мог остановить любого, кто попытается помешать согласованному переносу. Эту роль он записал в маршрутном листе дважды — обычными словами и канцелярскими, чтобы ни у него, ни у остальных не осталось лазейки.

— Здесь должна быть стена красильни, — сказала Лина.

Она постучала костяшками по кирпичу. Звук был ровным. Потом приложила угольник к углу. Металлические плечи не сошлись: между ними оставалась щель толщиной с ноготь.

— Каменщик был пьян? — спросил Марек.

— Каменщик был честен. Пространство — нет.

Лина провела ключом вдоль шва. Железо потянуло её руку вниз, к водосточному желобу, где между двумя плитами чернела узкая выемка.

— Замочная скважина, — сказал Марек.

— След от неё. Сама скважина с другой стороны.

Тая оглянулась. У входа в проход стояла Сева, назначенная независимым свидетелем. Она не пошла дальше заранее отмеченной черты и держала встречный счётчик в раскрытом футляре. Две его стрелки показывали текущий возраст Таи и сумму неутверждённых списаний. Сорок один день. Пока без движения.

— Начинаем осмотр, — объявила Сева. — Время по городской башне: девять минут после девятого вечернего звона. Согласие Лины Ренн действует до первого луча. Разрешены поиск двери и наблюдение за реакцией запечатанного предмета. Запрещены применение, передача и вскрытие оболочки.

— Подтверждаю, — сказала Лина.

— Подтверждаю, — повторила Тая.

Марек назвал только свою охранную роль.

Лина вставила железный ключ в пустой след.

Бородка прошла сквозь камень. На миг показалось, будто сестра держит ключ над поверхностью воды. Потом её кисть ушла глубже, до самого кольца. В стене сухо щёлкнул замок.

Из шва потянуло тёплым воздухом, пахнущим пылью, яблочной кожурой и грозой, которая так и не началась.

Кирпичи разошлись без скрежета. За ними открылась дверь.

Она была выше стены и всё же умещалась между водосборником и красильней. Тёмное дерево покрывали десятки слоёв краски. По краям проступали следы снятых табличек: мастерская, приёмная, контора, дом. Ни одного окна рядом не было.

Лина не повернула ключ до конца.

— Я эту дверь не реставрировала, — сказала она.

— Но узнали работу? — спросила Тая.

— Свою.

Лина коснулась нижней филёнки. Под ногтем осталась синяя крошка.

— Я всегда оставляю под первым слоем каплю ультрамарина. Чтобы следующий мастер знал: дерево уже снимали до жилы. Но я не была здесь.

— Могли забыть? — спросил Марек.

Тая резко посмотрела на него.

— Я спрашиваю о материальном следе, не о её решении, — уточнил он.

Лина сама ответила:

— Могу забыть день. Не могу забыть эту работу. Здесь снято не меньше семи слоёв, укреплёны петли и заменена середина. Неделя труда.

Она вынула ключ. Дверь осталась.

Сева за чертой записала результат. Стрелки счётчика не дрогнули.

Тая достала футляр. Золотой свет в сером свёртке сразу стал ярче, хотя сургучные ленты не были повреждены. По внутренней стороне двери пробежала тонкая линия, повторяя очертание ключа.

— Реакция без соприкосновения, — сказала Сева.

— На каком расстоянии? — спросил Марек.

Тая отступила на шаг. Свет потускнел. Приблизилась — загорелся снова.

— Полтора локтя. Достаточно.

Дверь открылась сама.

За ней не было комнаты. Там начинался короткий коридор, освещённый золотыми полосами вдоль пола. Стены уходили вверх без потолка, но над ними не было неба. Вдоль коридора стояли двери: новая дубовая, обитая войлоком больничная, тонкая дверь доходного дома, калитка с остатками зелёной краски. Все без окон и без ручек с этой стороны.

— Мы не договаривались входить, — сказала Лина.

— Не договаривались, — подтвердила Тая.

В глубине коридора звякнул колокольчик.

Человек в светлом фартуке появился так бесшумно, словно всё это время стоял за ближайшей дверью. Он был старше, чем на гравюре из старого реестра хранителей: седина разошлась от висков, лицо осунулось, но прямую линию рта Тая узнала.

Эдар Крой.

— Мы закрыты, — сказал он.

— У вас нет вывески с часами работы, — отозвалась Лина.

— У нас вообще нет вывески.

Он посмотрел на футляр под рукой Таи. Не удивился. Затем перевёл взгляд на Марек.

— Аудитор без полномочий, врач под проверкой и мастер, которая не может открыть собственную дверь. Необычная компания.

— Откуда вы знаете о моей двери? — спросила Лина.

— Я знаю, что приносят в мой дом.

— Она ничего вам не приносила, — сказала Тая.

Эдар улыбнулся так, будто услышал детскую попытку исправить арифметику.

— Тогда отчего её ключ открывает мой замок?

Лина подняла железный ключ.

— Этот открывает половину старого Лавена. Я сама меняла ему бородку.

— Не этот.

На её пустой левой ладони лежал второй ключ.

Тая не увидела, как он появился. Только что пальцы Лины были разжаты; теперь из-под них выступало тёмное стекло, а внутри тлел тонкий рассвет. Ключ был меньше того, что сняли с Восса, и совсем холодный.

Лина побледнела, но не бросила его.

— Я не давала согласия, — произнесла она отчётливо.

— Счётчик! — крикнула Тая.

— Без изменений, — ответила Сева из прохода. — Нового списания нет.

Значит, ключ не создавали сейчас. Его вернули туда, где он уже числился.

Марек шагнул рядом с Линой, не касаясь её.

— Осмотр прекращён. Выход свободен?

Он обращался к Эдару, но решение оставлял им.

— Совершенно, — сказал тот. — Я не удерживаю клиентов.

— Я не клиент, — сказала Лина.

Она попробовала положить тёмный ключ на порог. Пальцы разжались, однако ключ остался у кожи, будто ладонь стала его ножнами.

Тая надела смотровые перчатки.

— Разрешаешь проверить руку?

— Да. Только руку, без попытки вынуть ключ.

Кожа была тёплой, пульс ровным. Ни ожога, ни пореза. Под ключом Тая чувствовала не предмет, а отсутствие маленького отрезка времени — как тишину в механизме между двумя ударами.

— Это не твой рассвет, — сказала она.

— Почему?

— Твой запечатан у меня. Этот пустой снаружи и занят внутри. Он не отнимает действие.

Он помнит дверь.

Лина посмотрела на створку «Чужого дома».

— Ключ мастера.

Эдар слегка наклонил голову.

— Наконец-то.

— Вы заставили меня сделать эту дверь.

— Я заказал работу. Вы её выполнили.

— Я не помню заказа.

— Память не входила в оплату.

Марек вынул блокнот, но не раскрыл его.

— Вы признаёте изъятие памяти?

— Я ничего не признаю вам, аудитор Вель. Особенно теперь, когда вы обязаны передавать наблюдения независимому делу.

Он знал и о заявлении конфликта. Значит, видел документы быстрее, чем они проходили башню, или кто-то в управлении приносил ему каждую новую страницу.

— Зачем вам дверь, которую может открыть только мастер? — спросила Тая.

— Чтобы дом не принадлежал хозяину.

— А кому он принадлежит?

— Каждому, кто решит войти.

Лина рассмеялась один раз, без веселья.

— Только сначала вы забираете у него решение.

Эдар посмотрел на неё внимательнее.

— Я забираю страх перед решением. Город покупает не чужую волю, а свободу от мучительного утра. Вы, доктор Ренн, должны понимать цену боли.

— Я понимаю разницу между лечением и сделкой без согласия того, кто платит.

— Ваши пациенты тоже платят вами.

Слова попали точно. Хронометр под одеждой словно стал тяжелее.

— Поэтому моя работа требует согласия, второго врача и права отзыва.

— Требовала. Пока город не сделал из правил занавес. За ним люди продолжают бояться, откладывая, умирать возле закрытых дверей. Я предлагаю утро тем, кому оно нужнее.

— Отнимая его у других, — сказала Лина.

— У тех, кто всё равно им не воспользовался.

Тёмный ключ на её ладони вспыхнул. Лина согнулась, будто её дёрнули за запястье. Дверь распахнулась шире, и ближайшая золотая полоса пола потянулась к носкам её ботинок.

Тая перехватила сестру за локоть.

— Разрешаешь помочь отойти?

— Да.

Вместе они сделали шаг назад. Золотая линия вытянулась, истончилась и лопнула. Лина прижала руку к груди.

— Он хочет, чтобы я вошла.

— Дом хочет, — поправил Эдар. — Я лишь смотрю.

— Дом не может хотеть, — сказал Марек.

— А башня может считать? Палата — решать, чья жизнь дороже? Вы слишком долго служили вещам и до сих пор обижаетесь, когда они учатся служить себе.

Тая посмотрела на двери коридора. За каждой было чьё-то несделанное действие. Возможно, люди приходили сюда добровольно, платили, уходили без страха. Но источник товара оставался невидимым — врачебный случай вместо имени, резерв вместо украденного дня, чужая печать вместо руки.

— Покажите реестр поставщиков, — сказала она.

— Их нет.

— Тогда реестр списаний.

— Вы пришли не с ордером.

— Мы пришли вернуть ключ туда, где его изготовили.

— Возвращайте.

Эдар указал на узкую прорезь в дверной раме. Она появилась на высоте сердца Лины. Размер точно совпадал с тёмным ключом на её ладони.

— Нет, — сказала Тая.

— Я решу, — отрезала Лина.

Тая отпустила её локоть.

— Да.

Лина долго смотрела на прорезь. Затем подняла ладонь, но не к раме, а к свету у порога.

— Если вставлю, что получу?

— Завершите работу, — ответил Эдар. — Дом признает вас мастером. Вы вспомните эту дверь.

— А чего лишусь?

— Ничего, чем уже не заплатили.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Лина опустила руку.

— Тогда ключ останется у меня.

На лице Эдара впервые появилось раздражение.

— Он не вынесет общего рассвета.

Сева за чертой подняла голову.

— Уточните срок.

Эдар посмотрел мимо них, на встречный счётчик. Его правая стрелка дрогнула и прошла полный круг. Сорок один день превратился в тонкую золотую дугу, разделённую на шесть частей.

Седьмая часть была пустой.

— Через шесть рассветов башни будут поверены вместе, — сказал он. — Всё, что не имеет возражения в действующем реестре, станет законной поправкой. Ключ мастера вернётся дому. Медицинские цены уйдут в резерв. Отложенные начала будут признаны не востребова-
нными.

— Украденными, — сказала Тая.

— Невостребованными.

— И что произойдёт с их владельцами?

— Ничего нового. Они продолжают жить так, как жили.

Для Лины это означало ещё одну закрытую дверь, затем следующую, пока невозможность не станет похожа на характер. Для мужчины с письмом — жизнь, в которой чужая смерть окончательно оправдывала молчание. Для сестры Марека — неизвестный первый шаг, о котором он даже не имел права спросить.

А для Таи сорок один день станут добровольной врачебной платой, которой она никогда не обещала.

— Поверку можно оспорить, — сказал Марек.

— Аудитором без конфликта, на основании доступных ему материалов, — ответил Эдар.
— У вас шесть дней, чтобы найти такого, получить согласия и доказать существование дома, который не стоит ни на одной карте.

— Мы уже стоим у него, — сказала Сева.

— Вы стоите в проходе между красильней и водосборником.

Она подняла маршрутный лист.

— И четверо одинаково заблуждаемся?

— Свидетели подтверждают переживание. Не недвижимость.

Марек всё-таки раскрыл блокнот, вырвал чистый лист и положил на землю у черты.

— Сева Лор, запишите только время и показания счётчика. Я подпишу как участник, не как ведущий дела.

Эдар усмехнулся.

— Бумага против рассвета.

— Обычно бумага слабее, — сказал Марек. — Поэтому приходится заполнять её правильно.

Тая закрыла футляр со светлым стеклянным ключом. Золотая линия на двери погасла. Коридор за порогом стал темнее, но не исчез.

— Мы уходим, — сказала она.

— Вы ничего не нашли.

— Нашли срок.

— Срок — не доказательство.

— Для врача срок всегда доказательство того, что нельзя ждать бесконечно.

Они отступили за порог. Лина вышла последней. Тёмный ключ так и лежал на её ладони. Когда железный ключ повернулся в наружной скважине, створка исчезла слой за слоем: сначала коридор, затем филёнки, потом тёмное дерево. Осталась кирпичная стена с неправильным углом.

Лина провела большим пальцем по ладони. Ключ больше не прилипал к коже. Она завернула его в кусок чистой холстины и убрала в отдельную коробку.

— Вы говорили, что такого ключа у вас никогда не было, — сказал Марек.

— Не говорила. Я говорила, что не помню его.

— Это важно для записи.

— И для меня.

Она опустилась на край водостока. Тая села рядом, оставив между ними место для коробки.

— Неделя работы, — сказала Лина. — Он украл у меня не только утро мастерской. Ещё раньше забрал память о том, как я построила ему дверь.

— Мы не знаем, забрал ли он её сам.

— Ты его защищаешь?

— Тебя. От решения, которое может оказаться построено на его словах.

Лина сжала губы, потом кивнула.

— Тогда запиши точно: я узнаю свою работу. Не помню заказа, дороги сюда и оплаты. Ключ появился на моей ладони внутри открытого порога. Возвращать его без условий я отказалась сама.

Сева записала слово в слово и передала лист Лине. Та внесла исправление: не «появился внутри дома», а «был замечен после открытия двери». Подписала только после этого.

Марек стоял у входа в проход и смотрел на башню.

— Поверку назначает управление, — сказал он. — Ежегодно башни сверяют по очереди. Общая бывает раз в двенадцать лет. Её не должно быть сейчас.

— Значит, кто-то перенёс её, — сказала Сева.

— Или подделал срок, чтобы мы ошиблись, — добавила Тая.

— Счётчик подтвердил шесть делений, — возразила Сева. — Подделать мог и его, но тогда вмешательство уже в медицинском резерве.

Тая раскрыла крышку хронометра. На внутреннем кольце стояла дата проверки: шестой рассвет от завтрашнего утра. Раньше там была отметка конца сезона.

— Он не просто предупредил, — сказала она. — Дом уже внёс дату в мои часы.

Марек подошёл, но остановился прежде, чем смог увидеть цифры.

— Разрешаете прочесть дату?

— Да. Только дату.

Он наклонился. Его плечо оказалось рядом, не касаясь её. После холодного коридора от него шло обычное человеческое тепло. Тая заметила это и рассердилась не на Марека, а на себя: шесть дней не давали права превращать чувство в ещё одну срочную процедуру.

— Совпадает, — сказал он. — К утру подам заявление независимому аудитору и запрос о переносе проверки.

— А если управление откажет?

— Зафиксирует отказ.

— Бумага против рассвета, — повторила она слова Эдара.

— И четыре человека, которые умеют работать с тем, что бумага не удержит.

Это не было обещанием спасти её. Тая приняла именно поэтому.

Лина поднялась.

— Завтра я открою свою мастерскую.

Тая не сразу поняла.

— У тебя нет разрешения.

— Завтра я снова отнесу документы. Если не смогу повернуть ключ, измерю, на каком движении меня останавливает. Если смогу — тоже измерю. Мой украденный рассвет не будет единственным свидетельством Эдара.

— Не одна, — сказала Тая.

— С Севой. Ты нужна пациентам и своим часам.

Сева закрыла футляр счётчика.

— Согласна при условии, что маршрут и предел помощи определит Лина.

— Определяю.

В башне над ними сменился караул. На миг открылась служебная дверь, и по двору прошла полоса бледного света. Неправильная тень исчезла. Кирпичная стена стала обычной, даже угол сошёлся.

Тая знала: утром любой пришедший сюда увидит только узкий проход и решит, что четверым померещилось одно и то же.

Она приложила ладонь к хронометру. Под крышкой шесть золотых делений отсчитывали не её жизнь, а время до того, как чужая ложь получит законное имя.

— В Палату, — сказала она. — Сегодня сверим все даты. Завтра найдём тех, кто имеет право назвать свои утра украденными. Послезавтра доберёмся до башни.

— А на шестой день? — спросила Лина.

Тая посмотрела на коробку с ключом от двери, которую сестра построила и которой не помнила.

— На шестой день у «Чужого дома» не останется ни одной безымянной цены.

Межчастье I. Квитанция на смелость

Мастерская «Чужой дом»

Изделие: свободное утро, одна единица

Срок действия: до вечернего звона

Назначение: начать действие без страха последствий

Покупатель: имя не требуется

Поставщик: врачебный случай № 27-7

Цена покупателя: три серебряные меры

Цена поставщика: включена в медицинскую поправку

Возврат: не предусмотрен после поворота ключа

Покупатель прочёл квитанцию дважды.

— Я стану смелее?

— Вы перестанете бояться, — ответил мастер.

— Это одно и то же.

— До заката вам будет всё равно.

Покупатель поставил подпись там, где не было его имени. Стекланный ключ согрелся в руке, и утро, принадлежавшее незнакомому человеку, стало товаром.

Внизу бланка проступила строка, которой прежде не было:

Решение поставщика: не запрошено.

Глава 8. Утро напрокат

К рассвету заявление Марека вернулось без рассмотрения.

На полях стояла печать управления: «Невозможно приобщить к делу сведения о несуществующем объекте». Запрос о переносе поверки даже не зарегистрировали.

— Быстро, — сказала Сева. — Обычно они теряют бумагу хотя бы до обеда.

— Значит, ждали, — ответил Марек.

Он положил отказ на край счётного стола и не потянулся к медицинским журналам. После вчерашнего заявления граница стала привычкой: он спрашивал разрешения даже тогда, когда документ лежал перед ним лицевой стороной.

Тая провела ночь, сверяя даты. Сорок один день её будущего соединял четыре врачебных случая с четырьмя утраченными началами. Но имён владельцев начал у неё не было, а без их согласия не должно было быть и доказательств.

Лина с Севой ушли подавать документы в ремесленную палату. Тёмный ключ мастера запечатали в отдельный футляр и оставили у Лины: не как улику управления, а как предмет, принадлежность которого ещё предстояло установить.

Тая посмотрела на золотые деления хронометра. После первого луча осталось пять полных рассветов и нынешний день.

— Нам нужен покупатель, — сказал Марек.

— Нам нужен способ увидеть покупку и не превратить человека в приманку.

— У меня есть адрес, где назначают встречи.

— Откуда?

Он выдержал паузу.

— Сестра оставила записку. Разрешила использовать место и время, не содержание её выбора и не имя.

— Когда разрешила?

— Сегодня ночью. После того как я рассказал ей о конфликте.

— Вы рассказали о деле?

— Только то, что касается моего участия. Она знала о мастерской раньше меня.

Тая хотела спросить, почему сестра молчала, но вопрос был тем же насилием, только из любопытства врача.

— Покажите разрешённую часть.

На отдельном листе стояли две строки: «Каждый второй день перед полуденным звоном, чайная у медного моста. Можно наблюдать вход. Не следовать за мной и не выяснять, зачем я приходила». Подпись была закрыта клапаном.

— Сегодня второй день, — сказал Марек.

— Наблюдаем вход. Никого не задерживаем. Не изымаем ключ без непосредственной опасности.

— Если покупатель войдёт в дом?

— Следуем только по общедоступному пути. Не используем сведения вашей сестры шире разрешения.

— А если потеряем цепочку?

— Тогда потеряем цепочку.

Он сложил лист.

— Принято.

Чайная у медного моста была устроена для людей, которые предпочитали не замечать друг друга. Высокие спинки скамей делили зал на узкие кабины; чай приносили через пово-

ротное окошко. Тая и Марек сели по разные стороны прохода, чтобы не выглядеть парой и видеть обе двери.

До полудня пришли двое приказчиков, женщина с корзиной писем и молодой человек в слишком дорогом плаще. Последний сел, не заказав чай. Через минуту на его столе появился сложенный вдвое бланк.

Никто не подошёл.

— Передали через окошко, — тихо сказал Марек.

— Не видела руки.

Молодой человек прочитал бланк, резко поднялся и вышел к мосту. Они дали ему пересечь половину площади, прежде чем последовать.

Он не оглядывался. Страх слежки ещё был при нём — Тая видела это по поднятым плечам и частым поворотам головы. Значит, ключ пока не применён.

У Седьмой башни покупатель свернул в проход между красильней и водосборником. Днём там была только стена.

Он достал из кармана не ключ, а бумажную полоску и приложил к кирпичу. На полоске золотом проступила замочная скважина. Дверь появилась сразу, но выглядела иначе, чем ночью: светлое дерево, бронзовая ручка, табличка «Совет по деловым соглашениям».

— Каждый видит подходящее название, — прошептала Тая.

Покупатель вошёл.

Марек сделал шаг к двери и остановился сам.

— Общедоступный путь заканчивается здесь.

— Ждём.

— Он может выйти с чужим рассветом.

— Мы это знаем. Не знаем, чей он и как вернуть его без вреда.

Марек посмотрел на кирпичи, за которыми исчезла дверь.

— Ненавижу правильное бездействие.

— Оно не правильное. Оно меньше разрушает доказательство.

Через семь минут дверь появилась снова. Молодой человек вышел, держа прозрачный ключ с бледным золотым огнём. Плечи у него опустились. Он больше не оглядывался.

На углу его ждал человек в форме Северного земельного банка.

— Господин Фарн, совет снова не принял вашу оценку, — сказал банковский служащий. — Без неё мы не подпишем выкуп домов.

— Подпишите.

Фарн вставил стеклянный ключ в замок кожаного портфеля. Свет ушёл в металл. Его лицо стало спокойным — не уверенным, не решительным, а пустым от всякого предвидения боли.

— Сегодня выкупим весь квартал. Уведомления жильцам отправите вечером.

— Там сорок семь семей. Совет требовал рассрочку.

— Больше не требует.

Служащий отшатнулся. Фарн поймал экипаж и уехал к банковской улице.

— Можно остановить сделку, — сказал Марек.

— На каком основании?

— Магическое воздействие.

— Доказанное осмотром без согласия человека? Ключ уже пуст. Если вы его изымете, он скажет, что это украшение.

— А сорок семь семей?

Тая стиснула ремень медицинской сумки. Врачебная привычка требовала действовать при первой угрозе. Но сейчас немедленное вмешательство спасало одну сделку и оставляло мастерской сотни следующих.

— Предупредим городской совет по открытому основанию: новая оценка риска не проведена. Не называя источник сведений. И проследим пустой ключ.

Фарн выбросил стекляшку небрежно, прямо в ливневый желоб. Тонкий ключ не разбился. Вода подхватила его и понесла против уклона — обратно к Седьмой башне.

Марек опустил на колено.

— Если перекрою решётку, ключ останется.

— А цепочка оборвётся.

— Если не перекрою, потеряем вещественное доказательство.

— Оно пустое. Нам нужен путь возврата.

Он убрал руку. Ключ скрылся под мостовой.

Они пошли вдоль желоба. Вода текла вверх, собирая мусор, но обходила обычные стоки. У стены красильни струя нырнула в шов, которого днём не существовало.

Из соседней двери вышла девочка-подмастерье с ведром синей воды. Увидев Марека, она испугалась и расплескала половину.

— Мы не по проверке красильни, — сказал он.

— Тогда чего за водой следите?

Тая показала врачебный знак.

— Ты видела, чтобы по желобу шли стеклянные вещи?

— Каждое утро. Только ловить нельзя.

— Кто запретил?

— Никто. Они сами возвращаются. Хозяин говорит, дом забирает сдачу.

— Какой хозяин?

Девочка указала на красильню.

— Наш. Эдара Крого я не знаю, если вы про него.

Имя она назвала прежде, чем Тая успела спросить.

— Кто сказал, что мы про Эдара?

Подмастерье прикусила губу и убежала. Дверь красильни захлопнулась.

Марек записал только произнесённые слова.

— Теперь есть свидетель связи дома с водостоком.

— Испуганный ребёнок, который откажется при первом взрослом вопросе.

— Поэтому не пойдём за ней.

Тая посмотрела на него. Ещё вчера он мог бы назвать срочность достаточной причиной. Сегодня Марек закрыл блокнот.

— Благодарю, — сказала она.

— За то, что не допросил ребёнка?

— За поступок, который вам неудобен.

— Не привыкайте. Я всё ещё хочу вскрыть этот желоб.

— Я тоже.

Они обошли красильню и нашли, куда уходила подземная труба. Она соединялась с водосборником Седьмой башни. На медной муфте стояли семь законных печатей и восьмой, почти стёртый знак — треугольник, рассечённый вертикальной линией.

Такой же знак Тая видела на оборотной памяти хронометра.

— Печать мастера? — спросила она.

— В реестре управления её нет.

Марек не коснулся муфты. Вместо этого обвёл знак углём на кальке и передал Тае половину листа. Вторую оставил на месте под подпись независимого аудитора.

— Восьмая печать среди семи, — сказала Тая.

— И труба, по которой использованные ключи возвращаются к башне.

— Значит, товар не одноразовый. Стекло очищают и наполняют новым рассветом.

— Если разобьём ключ при продаже, они узнают о слежке и сменят путь.

— Если закроем мастерскую сейчас, хранилище может остаться запертым вместе с рас-светами.

Марек помолчал.

— Проследить цепочку до конца. Наблюдать продажи, отмечать решения покупателей, искать владельцев начал только через добровольные обращения.

— И вмешиваться при непосредственной угрозе жизни. Не ради доказательства.

— Согласен.

Это было первое решение, которое они приняли не потому, что один уступил другому. Каждый оставил в нём свой страх: Тая — страх опоздать к пострадавшим, Марек — страх потерять след. Доверие оказалось не уверенностью в человеке, а заранее названным пределом того, что он сделает.

Со стороны банка донёсся полуденный звон. Почти одновременно над городом взвился красный сигнальный флаг: совет созывали на срочное заседание.

— Предупреждение дошло, — сказал Марек.

— Сделку могут приостановить.

— Но Фарн завтра купит другое утро.

— Тогда завтра мы увидим, откуда его принесут.

Вода в желобе стала прозрачной. Последняя золотая искра исчезла под восьмой печатью. До общей поверки оставалось пять рассветов.

Глава 9. Пациент не улика

Срочное заседание остановило выкуп квартала на один день.

К утру Фарн успел подать жалобу, земельный банк — назначить новую оценку, а сорок семь семей — узнать, что их дома едва не стали чьей-то сделкой до вечернего чая. На площади у совета спорили так громко, будто громкость могла заменить право. Тая услышала их ещё на лестнице Палаты.

Внутри было тише. Сева сидела на полу между двумя счётными рамами и поочерёдно крутила медные колёса. Над ней дрожал прямоугольник бледного света — обезличенный счётчик, собранный из старого регистратора операций и линзы от башенных часов.

— Он считает не людей, — сказала Сева вместо приветствия. — Только совпадения величин и времени. Поправка, утрата начала, появление ключа. Никаких имён, адресов и диагнозов.

— А обратный путь? — спросил Марек.

Он остался у двери, хотя печать с операционной сняли ещё ночью.

Сева ткнула карандашом в три оплавленных гнезда.

— Уничтожен. Я вынула номера случаев до запуска. Если вы принесёте мне конкретное имя, я не смогу найти по нему строку.

— Если принесу точное время?

— Получите несколько сумм, но не узнаете, какая чья.

— Значит, счётчик годится для закономерности, но не для обвинения.

— И для защиты, — сказала Тая. — Он показывает, что подлог существует, не отдавая вам пациента.

Марек подошёл ближе, но не к медицинской раме, а к листу с описанием метода. Прочитал, поставил время и расписался под фразой: «Обратная идентификация технически исключена».

— Для обвинения мне этого мало, — сказал он. — Для ордера на независимую проверку восьмой печати может хватить.

— Может? — переспросила Сева.

— Если найдётся хотя бы один владелец утраченного начала, который подтвердит сам факт потери.

Тая посмотрела на часы у стены. Человек, которого они ждали, опаздывал на девять минут.

Он пришёл на десятой.

Ивар Нерс выглядел моложе своих пятидесяти двух лет, пока не начинал двигаться. Тогда становилось заметно, как осторожно он переносит вес с ноги на ногу и как бережёт левое плечо. Тая помнила его после обрушения на канатной фабрике: семь переломов, разорванные часы жизни и три ночи, когда его тело пыталось прожить сразу два разных исхода.

Она вернула часы к одной линии. Цена операции ушла из общего резерва — так значилось в журнале.

Теперь Сева нашла рядом с этой строкой невозможное списание рассвета.

Ивар остановился на пороге, увидев Марек.

— Вы сказали, разговор с врачом.

— Так и есть, — ответила Тая. — Господин Вель уйдёт, если вы потребуете.

— Он аудитор.

— Да.

— Тогда пусть уже уходит.

Марек закрыл папку.

— Мне нужно услышать отказ от вас, господин Нерс. Не причину. Только границу сведений, которыми мне нельзя пользоваться.

Ивар посмотрел на него с неприязнью человека, слишком часто видевшего вежливость перед нажимом.

— Нельзя пользоваться ничем. Ни тем, почему меня лечили, ни тем, что было после. Ни именем жены. Ни фабрикой. Ничем.

— Вы запрещаете раскрытие истории болезни и связь вашего случая с расследованием?

— Запрещаю.

— Принято.

Марек повернулся к Тае.

— Я буду в коридоре. Если господин Нерс согласится сообщить мне отдельный факт, позовите. Если нет — не сообщайте, подтвердился ли он.

Дверь закрылась.

Ивар остался стоять.

— Он всегда так легко отступает?

— Нет, — сказала Тая. — Учится.

— А вы?

Вопрос пришёлся точнее, чем ей хотелось.

— Поэтому вы здесь, а не в протоколе управления.

Она подвинула к нему пустой бланк согласия. Ивар не сел.

— Я ничего не подпишу.

— Можно не подписывать. Я хочу проверить, не осталось ли последствий лечения, которых мы тогда не увидели.

— Пять лет не интересовались, а сегодня увидели последствия?

— Сегодня у нас появился способ заметить их, не раскрывая вашу историю.

— У вас появился аудитор.

Тая убрала бланк в ящик. Бумага между ними стала бы угрозой, даже если на ней было написано право отказа.

— Тогда начнём с того, чего я делать не буду. Я не стану осматривать вас без разрешения. Не назову Мареку ни одного вашего ответа. Не буду убеждать вас помочь другим пациентам. И не стану говорить, что отказ опасен, если не увижу непосредственной угрозы.

Ивар медленно сел на край стула.

— Хорошо выучили.

— Поздно выучила.

— Тогда зачем позвали?

— Спросить, хотите ли вы знать, всё ли после операции принадлежит вам.

Он дёрнул левым плечом и поморщился.

— Моя боль принадлежит мне совершенно точно.

— Я не о боли.

— Знаю.

Тая промолчала. Врачебное молчание бывало разным: выжидающим, когда доктор подталкивал пациента заполнить пустоту; внимательным, когда место действительно оставалось свободным. Она положила ладони на колени, чтобы не потянуться к хронометру.

— После фабрики я собирался уйти, — наконец сказал Ивар. — Не из-за увечья. Ещё до него. Мы с женой нашли помещение у восточной пристани. Хотели открыть канатную лавку, без ночных смен и хозяина над головой.

Он говорил в сторону окна.

— После лечения я дошёл до двери нотариуса. В кармане лежал договор. И не вошёл. На следующий день тоже. Потом помещение отдали другим. Жена решила, что я испугался долгов. Я решил, что она права.

— А сейчас?

— Сейчас мне всё равно страшно. Только тогда было не страшно. Было пусто. Как будто действие существовало на чужом языке.

Тая почувствовала знакомый холод под рёбрами. Так Лина стояла перед ремесленной палатой, умея открыть любую дверь, кроме нужной.

— Разрешите проверить только способность начать то дело? Без осмотра часов жизни и без записи содержания вашей операции.

Ивар покачал головой.

— Если вы подтвердите, аудитор заберёт историю.

— Нет.

— Суд заставит.

— Я не обещаю, что управление не попытается. Обещаю, что добровольно не отдам. Счётчик Севы устроен так, что не знает вашего имени. Но мой осмотр будет существовать в вашей карте, если вы на него согласитесь.

— Тогда не согласен.

— Принято.

Она встала и открыла дверь не в коридор, а в маленькую комнату отдыха. Там можно было выйти через служебную лестницу, не встречаясь с Мареком.

Ивар не двинулся.

— И всё?

— Всё.

— Вы даже не скажете, что моя жена должна знать?

— Это решаете вы.

— Пять лет назад вы решали за моё тело.

— Пять лет назад вы были без сознания, а промедление разорвало бы ваши часы окончательно. Но это не даёт мне права решать за вас сегодня.

Ивар провёл пальцами по шраму у воротника.

— Если бы я разрешил проверить не карту, а предмет? Это считалось бы историей болезни?

— Зависит от предмета.

Он вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо договор. Бумага истёрлась на сгибах, чернила побледнели, но нотариальная лента осталась целой.

— Ношу его с того утра, — сказал Ивар. — Не знаю зачем.

— Вы разрешаете осмотреть договор на след утраченного начала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.